

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

БАГРОВЫЕ НЕБЕСА

ЭКСМО

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Багровые Небеса

«Автор»

2006

Ливадный А. Л.

Багровые Небеса / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2006 — (Экспансия: История Галактики)

У него не было прошлого. Нападение космических пиратов и невольничий рынок, откуда его, пятилетнего мальчишку, выкупил «добрый дяденька», – вот все, что осталось в памяти Вадима Рощина после многолетнего обучения в школе мнемоников. А потом была война. Безжалостные схватки в далеком космосе и на поверхности миров Корпоративной Окраины. Но после своей мнимой (или реальной?) гибели на планете Фрисайд Вадим понял, что бесконечное противостояние боевых мнемоников и кибрайкеров – лишь часть большой игры могущественных корпораций, а такие, как он, – расходный материал в борьбе за власть и пространство. И тогда Рошин начинает свою, личную войну с теми, кто лишил его прошлого...

© Ливадный А. Л., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Настоящее...	33
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Багровые Небеса

Пролог

Пространство гиперсферы.

Борт грузопассажирского лайнера «Атаис».

3845 год Галактического календаря...

– Вадим, ну куда ты постоянно порываешься убежать? – Тихий, совсем не строгий голос матери настиг пятилетнего мальчика на пороге отсека.

Он обернулся.

В тесном помещении стояли плотные ряды кресел для пассажиров. Ни экранов, ни иллюминаторов. Только тусклый свет потолочных панелей слегка рассеивал мглу, до слуха долетал надоедливый гомон десятков голосов, в котором тонуло шипение регенератора воздуха, тщетно пытающегося устранить тяжелый запах множества тел, смешанный с сигаретным дымом.

Вообще курить на борту лайнера запрещено, но здесь, в отсеках третьего класса, где вторые сутки подряд сотни человек были в буквальном смысле заперты на ограниченной территории грузовой палубы, на предупреждающие надписи мало кто обращал внимание.

Люди коротали изнурительные часы полета кто как мог. Вот и Вадиму до смерти надоело сидеть в кресле рядом с матерью, слушая людской гомон...

– Мам, ну я быстро...

– Куда ты собрался?

Вадиму пришлось вернуться для объяснений.

– Там в конце коридора окно, – прошептал он на ухо матери. – Я быстро. Никто не увидит.

К его удивлению, в ответ не последовало категоричного отказа.

– Ладно, иди, только недолго, хорошо? – Она взглянула на сына с непонятной мальчику печалью. – Если увидишь кого-то из экипажа или услышишь сигнал громкой связи – бегом назад, договорились?

Вадим энергично кивнул.

Он понимал, о каких сигналах идет речь. Время от времени, нарушая монотонность полета, звучали резкие предупреждающие звуки, и вслед им обычно раздавался голос невидимой женщины, настоятельно рекомендующей всем пассажирам занять свои места и пристегнуться.

– Я только посмотрю одним глазком и сразу назад, – горячо пообещал он.

Мать лишь слабо улыбнулась в ответ на заверения сына. «Куда уж – одним глазком... Но пусть хоть посмотрит на космос».

– Беги.

Она проводила Вадима взглядом, с замиранием сердца наблюдая, как мальчик нарочно совершает длинные прыжки по коридору. Низкая искусственная гравитация явно забавляла его.

Там, куда они прилетят, у него уже не будет возможности полюбоваться просторами Вселенной. Миры Корпоративной Окраины охотно принимали эмигрантов, но что за жизнь ждала их впереди?

Женщина, уже достаточно хлебнувшая горя, не строила иллюзий по поводу заманчивых рекламных проспектов. Она летела на Окраину ради сына – говорят, корпорации охотно принимают детей эмигрантов в свои школы, чтобы дать им настоящую специальность.

Да, им предстояла разлука, возможно, навсегда. Эта мысль постоянно кусала сердце, но был ли у нее иной выход?

Что она могла дать сыну, существуя на социальное пособие по безработице? Выйти в люди на Центральных Мирах стало ох как нелегко, для этого, прежде всего, нужны деньги. А их не было. Замкнутый круг. Она прошла по нему не раз и не два, испробовав множество профессий, но лишь выбилась из сил, рано, не по годам постарев, потеряв всякую надежду. Может быть, ей просто не везло в жизни?

...Пятилетнего Вадима совершенно не занимали подобные мысли. Сейчас у мальчика была лишь одна проблема, с которой он боролся всеми доступными средствами: надоедливая скука долгого межзвездного перелета.

Куда они летят и зачем, он не знал.

Сознание пятилетнего путешественника буквально поглотили новые, яркие впечатления.

Оказавшись в относительном одиночестве, среди гулкой пустоты пересекающихся на т-образной развязке коридоров, он вдруг почувствовал, как живет вокруг него космический корабль.

Десятки незнакомых, тревожащих детский разум звуков окружили его: что-то шипело в глубинах изгибающегося сегмента коридора, монотонно гудели скрытые от глаз механизмы, их работа ощущалась в виде легких вибраций, то и дело пробегающих по полу и переборкам.

Настенный информационный экран, к которому так стремился мальчик, показался ему огромным. Со своего кресла он мог видеть лишь самый краешек этого виртуального окна с несколькими перемигивающимися по ободу индикаторами и теперь застыл, пораженный увиденным.

На миг Вадиму стало страшно. Естественно, он не знал, что корабль в данный момент находится в гиперсфере, где отсутствуют звезды или иные материальные тела, словно замороженный, он смотрел в виртуальное окно, куда контрольные видеодатчики транслировали изображения скупо подсвеченных габаритными огнями грузовых надстроек «Атаиса», ведя обычный мониторинг состояния обшивки. В нижней части двухметрового экрана выводилось множество данных с различных сканеров, но постоянно меняющиеся цифры и мелькающие компьютерные коды абсолютно ничего не говорили Вадиму, он лишь мельком взглянул на них, сосредоточив восторженное внимание на очертаниях надстроек.

Впрочем, спустя две-три минуты ему наскучило смотреть на одну и ту же картину, и он наивно попытался отыскать взглядом звезды.

Ничего не получилось. Вне освещенного навигационными огнями пространства царил бездонный мрак.

Куда же подевались все звезды? – недоуменно подумал мальчик, пытливо, без страха всматриваясь в непроглядную чернь аномалии космоса.

То ли напряженное зрение сыграло с ним шутку, то ли сознание, так страстно надеявшееся разглядеть сияющие россыпи звезд, выдало желаемое за действительное, но одну яркую точку он все же рассмотрел.

Она находилась далеко в стороне от освещенных надстроек и, как показалось Вадиму, двигалась, стремясь наперерез тускло освещенной громаде космического корабля.

Мальчик еще не подозревал, что следит за неумолимым приближением собственной Судьбы.

* * *

В ходовой рубке «Атаиса» вахтенный офицер, выслушав доклад кибернетической системы, коснулся сенсора общей тревоги.

Объект, приближающийся к грузопассажирскому лайнеру, мог быть только космическим кораблем, наличие иных материальных тел в пространстве гиперсферы противоречило базовым, элементарным знаниям людей об аномалии космоса.

При современной интенсивности движения на гиперсферных трассах иногда происходили сбои, и подобное сближение двух рукотворных объектов выглядело не столь уж фантастичным, как могло показаться на первый взгляд. Однако любое пересечение курсов неизбежно влекло за собой фатальные последствия, разница в работе генераторов высокой частоты¹ приводила к тому, что корабль, обладающий большим энергетическим потенциалом, захватывал второй объект.

Исход рокового сближения мог оказаться двояким: под воздействием более мощного гипердрайва объект с меньшей энергетикой либо попадал в «кильватерную струю», двигаясь вслед другому кораблю, либо уходил с собственного курса, оказываясь в ситуации так называемого слепого рывка.

Капитан появился в ходовой рубке, когда данные, полученные с масс-детектора и обработанные кибернетической системой «Атаиса», уже начали поступать в проекционную сферу голографического монитора.

Взглянув на показания датчиков, Патрик Ридман заметно побледнел. Объект, идущий пересекающимся курсом, должен был пройти в непосредственной близости от лайнера, а его энергетическое поле имело большую напряженность, – еще бы, ведь неизвестный корабль двигался не вдоль силовой линии аномалии, а перемещался между курсовыми нитями...

– Что по данным навигационного контроля? – предчувствуя неладное, спросил капитан.

– Наш эшелон должен быть чист. Сопутствующие объекты по данным диспетчерского контроля Элио движутся на иных энергоуровнях² аномалии.

– Твои предположения, Андрей? – Ридман уже сделал собственный вывод из полученной информации и теперь ждал, что скажет первый пилот, исполнявший в данный момент обязанности вахтенного офицера.

– Я исключаю вероятность того, что данный корабль сбился с курса, – ответил Колыванов. – Это капер,³ командир. Посмотрите на масс-детектор. Его курс после захвата нашего судна пересекается с линией напряженности, маркированной для планеты Ганио.⁴

Ридман мрачно кивнул.

Взгляд на приборы не добавил капитану оптимизма. Два сигнала в полусфере масс-детектора сближались слишком быстро, отсекая саму надежду на какое-либо противодействие, по крайней мере здесь, в глубинах гиперсферы.

¹ Генераторы высокой частоты (ГВЧ) создают вокруг материального объекта высокоэнергетичное поле, позволяющее преодолеть барьер между метриками и оставаться в пространстве гиперсферы. Минимально необходимая напряженность поля ГВЧ прямо пропорциональна массе космического корабля. Первые выводы, сделанные после исторического полета разведывательного корабля «Ванкор», были верны. Колониальные транспорты попадали в иные точки пространства не из-за ошибочной привязки к массе (роман «Знак Близнецов»), а под воздействием разных силовых линий аномалии.

² Условно гиперсфера делится на десять энергетических уровней.

³ Капер – пират, действующий, как правило, с ведома и согласия определенной страны. В данном контексте подразумеваются ганианские пираты.

⁴ Планета Ганио (звезда Халиф) не входит в состав Конфедерации Солнц. Негласный центр наемников и флибустьеров в рамках Обитаемой Галактики.

– По кораблю: боевая тревога! Загерметизировать все межпалубные переходы. Опустить аварийные переборки, активировать средства индивидуального спасения.

– Уже сделано.

– В кресло, Андрей. Как только он начнет обратный переход, попробуем остановить его включением поля высокой частоты. Если удастся истощить энергосистемы капера...

– А если нет, командир?

– В таком случае нам придется иметь дело уже не с одним пиратом. В точке всплытия его наверняка ожидают корабли поддержки. В любом случае, мы будем сопротивляться. Подготовь аварийный передатчик гиперсферных частот для отправки сигнала на Элио. Возможно, патрульные корабли Конфедерации сумеют оказать нам помощь.

* * *

Вадим смотрел, как стремительно приближается к кораблю яркая точка.

Во мраке космоса разгорался злой огонек его судьбы, но мальчик, естественно, не подозревал об этом. Он заворуженно следил за растущим в размерах огоньком, пока тот не начал обретать зримый объем, превращаясь в огромный (по крайней мере, так показалось мальчику) космический корабль, окруженный мерцающим ореолом защитного поля.

На краткий миг оба космических корабля сошлись так близко, что он невольно зажмурился, сжавшись в паническом предчувствии столкновения, но рывок, сбивший Вадима с ног, имел иную природу воздействия.

Корабли разминулись, но теперь грузопассажирский лайнер «Атаис» был захвачен полем высокой частоты капера и резко изменил курс, следуя в пространстве гиперсферы к той линии напряженности, куда влекла его неодолимая в данный момент сила.

Упав, Вадим ударился головой о какой-то выступ и на время потерял сознание.

Он не видел, как опустились аварийные переборки, превращая смотровую площадку в изолированный отсек, не слышал отчаянных призывов матери и монотонного предупреждающего голоса кибернетической системы корабля.

Когда он очнулся, экран не работал, а вокруг царил тусклый красноватый свет.

Чьи-то грубые руки схватили его и поволокли упирающегося мальчишку к огромной дыре, прорезанной в материале аварийной переборки.

Он стал рабом. Частью добычи ганианских пиратов, но еще не осознавал этого.

Часть первая Багровые небеса

Глава 1

Удаленная звездная система сектора Окраины. Граница освоенного космоса. Настоящее...

Что-то в душе подсказывало: в жизни нет места для сказок со счастливым концом. Наверное, это нашептывало подсознание, знающее истинную цену человеческим словам и поступкам.

Багровые небеса.

Космос клубился красками газопылевой туманности, в недрах которой сияло молодое солнце.

Гротескные замки из напитанной энергией космической пыли клубились, видоизменяясь на протяжении миллионов лет.

Было жутковато думать, что вся история Человечества по времени может уместиться в крошечной флуктуации багровых вихревых выбросов...

Уединение неоправданно затянулось, превращая жизнь в существование, а надежды – в глухую неодолимую тоску. Чем дольше он оставался наедине с собой, тем явственнее становилось отчуждение между ним и всеми людьми, знакомыми и незнакомыми, повинными в сегодняшней ситуации и не имеющими никакого отношения к ней. Трещина, появившаяся в едва не надломившемся рассудке Вадима, постепенно превращалась в пропасть, он осознавал это, но...

Судьба.

Прихотливое слово, таящее в себе множественный смысл.

Вадим считал, что он управляет собственной судьбой, по крайней мере, в последние годы, но на поверку вдруг все оказалось не так, как думалось, ощущалось.

Тонкий предупреждающий сигнал систем обнаружения вторгся в его мысли, означая непредсказуемый и тем более неожиданный фатальный выпад.

Хотя, – тут же промелькнула в сознании успокаивающая мысль, – *насчет фатализма событий слишком громко сказано.*

Ладонь правой руки уже ощущала холодную пористую поверхность манипулятора ручной наводки лазерных установок.

Росчерк когерентного света, вобравшего в себя двести мегаватт энергии, – вот лучший способ избавления от ощущения фатализма.

С некоторых пор Вадим научился все делать сам, своими руками исправляя выходки судьбы, не привлекая к личным проблемам сложные кибернетические системы.

Кто бы там ни всплывал из пучин гиперсферы, ему не дано нарушить мой покой, – подумалось Рошину.

На этот раз он ошибся.

Судьба тоже имела в своем арсенале оружие, против которого он оказался бессильным.

Например, сигнал бедствия, транслируемый посредством аварийного передатчика гиперсферных частот.

Нужно окончательно опуститься, потерять не только рассудок, но и душу, чтобы ответить на «SOS» разрядом инфракрасного лазера.

Ладонь Вадима медленно отпустила устройство наведения, и палец коснулся сенсора на панели внешней связи.

– Неопознанный корабль, вы на масс-детекторах, статус всплытия – пятьдесят процентов. Транслируйте свой опознавательный код и причину аварийной ситуации. В противном случае ваши действия будут расценены как провокация.

* * *

АРК⁵ класса «Тайфун» медленно «всплывал» из пучин гиперсферы.

Зеленоватое мерцание масс-детектора придавало лицу пилота нездоровый оттенок. Он внимательно, но без излишней суеты и напряжения наблюдал за сложным узором алых маркеров, обозначавших наличие множества материальных объектов в области всплытия.

Сигнал «SOS» передавался автоматически, на самом деле корабль был исправен, но Эйджел Риган был чужд дурацких условностей, – если небольшая доля лжи работала на его личную безопасность, то он не мучился совестью по этому поводу.

«Тайфун» маневрировал секциями гипердрайва, с каждой секундой пребывания в неопределенном пространстве, между физическими границами двух метрик, истощая последние запасы энергии из бортовых накопителей.

Однако потеря энергии не шла ни в какое сравнение с риском материализации корабля в непосредственной близости или того хуже – внутри одной из непонятных пространственных конструкций, истинная сущность которых была надежно прикрыта работой фантом-генераторов.

В том, что в зоне всплытия располагается нечто рукотворное, а не скопление астероидных глыб или иного космического мусора, Эйджел был уверен на сто процентов. Опытный взгляд Ригана еще до доклада системы анализа распознал среди множества сигналов те, что принадлежали упорядоченной пространственной структуре, остальные же «засечки» в голографической полусфере масс-детектора являлись прямым следствием работы фантом-генераторов, призванных скрыть наличие тут рукотворного объекта.

Подобное ухищрение могло привести кого угодно, но только не Эйджела.

И все-таки он невольно вздрогнул, когда внезапно заработал передатчик гиперсферной частоты, передавая не то чей-то запрос, не то угрожающее предупреждение.

Автоматически заработал анализатор аудиоряда, и в следующую секунду, посмотрев на отчет программы, Риган, совершенно не рассчитывавший на какой-то положительный результат обработки чуть хрипловатого голоса, вдруг побледнел.

На правом виске Эйджела несколько раз судорожно взморгнул индикатор импланта. Соединившись с базами данных бортовой кибернетической системы, он проверил результат анализа голосового ряда и был вынужден признать, что автоматика не ошиблась.

Роковое совпадение или неожиданная, если не сказать зловещая насмешка Судьбы?

Скорее последнее, – подумал Эйджел, выключив сигнал бедствия, чтобы послать в трехмерный континуум короткую фразу:

– Вот кого не ожидал встретить, так это тебя, Вадим.

Секунда напряженного ожидания показалась ему вечностью.

Он или не он?

⁵ АРК – автоматический разведывательный корабль.

– Риган? – Очевидно, в распоряжении Рощина имелась адекватная программа, анализирующая голосовой ряд и сравнивающая его с теми голосами, что хранила память. Не компьютерная, а человеческая.

– Привет, старина. Приятно услышать знакомый голос. – Риган не мог сказать себе, что безумно рад неожиданной встрече, но... – У меня энергия на исходе. Ты можешь указать безопасную точку всплытия?

– Эйджел, я не ждал гостей. Даже тебя. Точка всплытия будет сформирована только после передачи исчерпывающей идентификационной информации.

– Как всегда, не веришь своим ушам, да?.. Ладно, – поморщился Риган. – Учитывая, что ты мертв, Рощин, я вообще не могу слышать твой голос. Верно? Однако я его слышу... Принимай данные, но учти, у меня все резервные датчики энергии в красной зоне.

* * *

АРК Эйджела Ригана появился в трехмерном космосе в виде бледного фантома, который вдруг стремительно начал набирать значения физических величин, окончательно материализуясь в привычном для человека континууме.

Еще секунда, и «Тайфун», отработав двигателями коррекции, медленно поплыл в направлении открывающегося вакуум-дока сложной пространственной конструкции, основой которой был старый, отслуживший свое корпус рудодобывающей фабрики класса «Спейс-стоун».⁶

...Вадим наблюдал за всплытием «Тайфуна», ощущая, как пробуждаются давно позабытые чувства, словно маленький бес, таящийся внутри него, вдруг скинул оковы и, получив волю, бросился открывать двери потаенных узилищ памяти...

Учитывая, что ты мертв ...

Да, действительно, Риган имел основания считать именно так. Стоило отдать должное Эйджелу: он не потерял головы, внезапно услышав потусторонний для него голос.

Процесс шлюзования в вакуум-доке занимал не много времени, и Вадим встал из операторского кресла, предоставив автоматике выполнять рутинные операции. Он хотел встретить Ригана на предшлюзовой площадке, чтобы иметь возможность составить первое впечатление о негданном госте из прошлого, не допуская его внутрь основных отсеков станции.

Сколько прошло времени? – думал он, шагая по коридору. – Полтора года? Или два?

Провалы в памяти все еще давали о себе знать, но не они беспокоили Вадима. Насколько и в какую сторону изменился Эйджел с момента их последней встречи? Что Риган знает о нем, кроме общеизвестного факта: боевой мнемоник Вадим Рощин погиб на Фрисайде?

...В огромном ангаре, предназначенном для принятия и сортировки контейнеров с рудой, царил сумрак и холод. Капли конденсата ползли по стенам, срывались с потолка, ближе к системе из трех шлюзов влага замерзала, покрывая несущие конструкции замысловатыми узорами инея.

Вадим терпеливо ждал, пока в вакуум-доке закончится процесс стыковки корабля со станцией.

⁶ «Спейсстоун» – полуавтоматические рудодобывающие комплексы класса «Спейсстоун» проектировались и строились в системе Онтарио, одной из промышленных колоний корпорации «Инфосистемз». Четырехкомпонентная пространственная конструкция включала в себя основной модуль с установками гиперсферной и планетарной тяги, модуль фабрики по обогащению и переработке полезных ископаемых и емкостями для хранения руды. Его длина, от вытянутого носа до закругленной кормы, составляла не менее пяти километров, а если смотреть строго сверху, то очертания основного модуля «Спейсстоуна», вместе с пристыкованной к нему космической фабрикой и двумя танкерными платформами, чем-то напоминали угловатого морского ската с размахом «крыльев» в полтора километра...\$Две платформы, имевшие форму «крыльев», на самом деле являлись огромными танками, хранилищами для переработанных на фабрике ископаемых.\$В основном, рудодобывающие комплексы предназначались для автономных полетов за границы исследованных секторов.

Прошло несколько минут, прежде чем подле одного из люков зажегся предупреждающий сигнал, означающий начало работы механизмов шлюзовой камеры.

Наконец массивная, покрытая изморозью плита раскололась на два остроугольных сегмента, которые раздались в стороны, пропуская в ангар фигуру, облаченную в скафандр исследовательского образца – более прочный, чем гражданские модификации, но явно уступающий военным разработкам.

Эйджел успел снять гермошлем и теперь держал его в левой руке. Его лицо мало изменилось с тех пор, как он в последний раз видел Вадима Рощина, – все тот же насмешливый взгляд, в котором, под личиной ироничного скепсиса, на самом деле скрыта угроза всему существу: Риган являлся одним из лучших боевиков корпорации «Инфосистемз». На Окраине термин «лучший» вовсе не подразумевал таких качеств, как благородство, скорее, напротив, и в памяти Вадима образ этого человека прочно ассоциировался с беспощадностью профессионального убийцы, исполнявшего свою работу с неизменной усмешкой на устах.

Каждому свое...

Их взгляды встретились.

Эйджел посмотрел на Рощина без тени удивления или недоверия во взгляде. Не то чтобы ему был безразличен факт внезапной встречи, но Риган не верил в чудеса, а значит, не признавал никакой мистики.

– Холодно тут у тебя, Рощин, – вместо приветствия произнес Эйджел. Он обвел взглядом покрытые узорами инея стены и добавил: – Может, найдется местечко потеплее?

– Иди за мной.

Вадим развернулся, ощущая, насколько *не готов* к неожиданной встрече. Всколыхнувшаяся память мгновенно покрылась рябью образов, воспоминания тянули его в пучину событий, из которых он едва сумел выбраться... собственно, финал трехлетней одиссеи Рощина среди корпоративных миров Окраины закончился относительно недавно, раны в душе еще кровоточили, а появление Ригана лишь разбредило их, сломав хрупкую наледь забвения, которую столь тщательно культивировал Вадим, скрывшись от людей среди поля астероидных глыб, на старой, никому не нужной станции, брошенной тут за полнейшей ненужностью...

Он не хотел насильственного возвращения памяти и потому, взглянув на Ригана, испытал отчаяние, злость и... растерянность.

Какого фрайга гиперсфера вышвырнула корабль Эйджела именно тут?

Следующим чувством после досады пришло осознание опасности. Близкой опасности, будто незащищенное горло внезапно ощутило холодную сталь десантного ножа. Риган являлся профессиональным убийцей, «специалистом по силовому решению проблем», так не резонно ли предположить, что его появление вовсе не игра случая, а тщательно спланированная акция возмездия?

Через минуту открылся внутренний люк, за которым находился небольшой переходной зал, где раньше располагалась аппаратура управления механизмами ангара. Теперь в пустующем помещении царил густой и не совсем приятный запах: его источали растения, посаженные в специальные емкости с дурно пахнущей питательной средой... Что-то вроде гидропонического сегмента, один из десятков узлов сложной системы самодостаточности.

Ригану запахи прелой листвы, смешанные с флюидами питательных сред, показались не лучшей альтернативой холодному, но чистому воздуху ангара.

– Ну ты даешь, Рощин... – неприязненно усмехнувшись, произнес он. – Неужели боевой мнемоник не в состоянии придумать ничего лучшего, чем эта старая гидропоническая дрянь? Или ты позабыл, что есть на свете системы...

Рощин остановился, будто его ударили в спину, затем медленно повернул голову. В его взгляде читалась трудно сдерживаемая ярость, причины которой были совершенно непонятны для Эйджела, слегка опешившего, несмотря на свою хваленую выдержку.

...*Боевоймнемоник* – термин, таящий в себе зловещее сочетание смыслов, поначалу воспринимающееся на слух как нечто противоестественное.

Они оба прекрасно знали, что все не так просто, как предлагает словарь новых семантических понятий Окраины.

Да, Рощин являлся боевым мнемоником. В прошлом. Хотя ему трудно было поручиться, даже перед самим собой, что пустые гнезда имплантов, без кибернетических модулей, гарантируют необратимость перемен.

Эйджел зря усмехнулся. Конечно, если предположить его полное неведение относительно последних лет жизни Вадима, фразу можно было оставить без внимания, но Рощин уже плохо владел собой. Несколько минут предельного эмоционального напряжения сделали свое черное дело, подведя его рассудок к внезапному срыву:

– А ты забыл, как пахнет земля, Риган? – Вадим резко развернулся, схватив своего гостя за шейное кольцо скафандра, нажал, слегка придушив, и продолжил, не обращая внимания на слабые потуги Эйджела вырваться и его медленно наливающимися кровью глаза: – Земля пахнет по-особому. Особенно в лесу, где поверх стеклобетона растет мох. Помнишь тот запах?!..

Он оттолкнул Ригана к стене отсека.

– Не насмехайся над моими привычками и будешь жив. – Внезапный приступ немотивированной ярости прошел так же быстро, как секундой ранее подкатил к самому горлу удушливым комком воспоминаний.

– Извини... – хрипло выдавил Эйджел. Он даже не попытался выхватить «Гюрзу» из захватов силовой кобуры. «Фрайг его знает, может, мне вообще не стоило причаливать к этой раздолбанной станции, – подумалось ему. – Угрозило же оказаться в компании свихнувшегося мнемоника, которому выжгло часть мозга на далеком Фрисайде, где они *вдвоем* вдыхали тот самый прелый запах лежалой хвои, зеленеющего мха и похожего на желтую черепную кость старого, потрескавшегося, напитанного сыростью стеклобетона».

Эйджелу повезло выбраться оттуда целым физически и не тронувшимся рассудком, а вот Вадиму – нет.

Интересно, куда подевалась сущность боевого мнемоника? Неужели удар противника оказался так силен, что смог загнать человека на задворки обитаемого космоса, по сути – заставить поселиться в развалинах старого рудодобывающего комплекса и тратить лучшие годы жизни на разведение растений в гидропонических танках?

Впрочем, Риган не был до конца уверен в собственных выводах. То, что у Рощина не все в порядке с головой, ясно как день, но так ли он прост, как старается казаться?

Эйджел иногда интересовался галактическими новостями. Странное совпадение – после того рокового боя на Фрисайде, в котором без вести пропал Вадим Рощин, а уж если быть точнее – сначала сошел с ума после мнемонического удара, который нанесла ему девчонка-мнемоник, а затем был вполне закономерно застрелен командиром мобильной диверсионной группы... так вот приблизительно месяц спустя после этих событий среди систем Окраины появился зловещий космический корабль. Фрегат класса «Игла». Это был не обычный капер, охотящийся на рудовозы или (если подберется рисковая команда) нападающий на грузопассажирские лайнеры – нет, дерзости того капитана не было границ – он не придерживался иных правил, кроме одного: бил в самые защищенные места, по узлам корпоративных сетей, по базам Военно-Космических сил, по традиционно укрепленным форпостам на удаленных планетах, – короче, подрывал военную и экономическую мощь корпораций, причем не одной, а всех сразу, действуя попеременно в разных секторах Окраины.

Кажется, один из «выживших» терраформеров⁷ (если к кибернетическому механизму применим такой термин) сумел опознать капитана «Иглы», с присущей машине уверенностью идентифицировав его как Вадима Рощина, боевого мнемоника корпорации «Инфосистемз».

Эта информация, вызвавшая в определенный момент лишь усмешку на губах Ригана (Рощина застрелили на его глазах), теперь вдруг всплыла в памяти, потому как перед ним стоял *живой* Вадим, и поспорить с этим фактом было бы очень сложно.

Замки люка, через который они вошли, с шипением закрылись, но Рощин не торопился проводить своего гостя в более комфортное помещение.

– Что с твоим кораблем? – осведомился он.

– Критическая потеря энергии, – ответил Риган. Он уже не строил иллюзий относительно Вадима. Неконтролируемая вспышка ярости говорила сама за себя. Сейчас лучше говорить правду: трудно предсказать, что на уме у Рощина, а данное помещение идеально подходит для...

Эйджел покосился на гидропонические баки, вскользь подумав, что любая из дурно пахнущих емкостей с готовностью поглотит и переработает еще одну порцию удобрения размером с человеческое тело. *Убить его, и дело с концом?* – промелькнула в рассудке шальная мысль, но Риган тут же отмел ее. Не по доброте душевной, отнюдь. Во-первых, он не знал, один ли Рощин на станции? Во-вторых, заглушки на гнездах имплантов боевого мнемоника еще не гарантировали отсутствия в них кибермодулей. Слишком велик риск...

– Большинство систем отказало, – вслух продолжил он, стараясь придерживаться истинного положения вещей на борту «Тайфуна». – Резервные накопители пусты. Реактор истощен, требуется замена части активного вещества.

– Ты маневрировал на границе метрик, – заметил Вадим.

– Да. Тратил последние эрги. А ты бы на моем месте поступил иначе?

– Не знаю. Как-то не вяжется сигнал бедствия с такими предосторожностями.

– А, по-моему, все логично, – огрызнулся Эйджел. – Откуда я знал, что именно встречу в трехмерном континууме? Хорошо, если помощь. Все могло сложиться много хуже. Ты ведь сам прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

– Ты летел не сюда?

– Естественно, нет.

– Слепой рывок?⁸

– Хуже. Произвольно избранная вертикаль. Я вообще не надеялся, что выйду в границах обитаемого космоса.

– Ладно. – Вадим коснулся сенсора, открывая доступ к внутренним помещениям древнего рудодобывающего комплекса. От Ригана не укрылся тот факт, что Рощин, будучи мнемоником, не отдал мысленный приказ кибернетической системе, а произвел ручное действие. – Заходи.

– Оружие сдавать?

Вадим обернулся.

– Как хочешь, – после секундного колебания ответил он.

Подобное безразличие заставило Эйджела задуматься.

«Гюрзу» он все же отдал Вадиму, понимая, так будет лучше.

– Послушай, Рощин, мы с тобой не враги. Ну что нам делить, в конце концов?

– Нечего, – кивнул Рощин и тут же добавил: – Если ты будешь держать язык за зубами. Мне потребовался год, чтобы привести в относительный порядок эту гору бесполезного хлама.

⁷ Терраформеры – роботизированные комплексы, предназначенные для преобразования планет.

⁸ Слепой рывок – прыжок через гиперсферу без прокладки курса относительно навигационных горизонталей. Обычно является следствием чрезвычайных обстоятельств. Точка выхода корабля в трехмерный континуум при слепом рывке непредсказуема.

Здесь мой дом, и я не намерен его покидать только из-за того, что гиперсфера выбросила твой «Тайфун» именно сюда.

Риган, следовавший по коридору за Вадимом, чуть сбавил шаг.

Он тут один. Эйджел был далеко не глуп, в силу сложившихся обстоятельств он ловил и анализировал каждое слово Рощина.

Из всего сказанного становилось понятно – Вадим на станции один, иначе он сказал бы «нам потребовалось». И еще – он скрывается от властей.

Очередная герметичная дверь в конце длинного коридора привела их в просторное помещение со стенами, по периметру которых располагался кольцевой обзорный экран, создающий иллюзию присутствия в открытом космическом пространстве. По-видимому, ранее здесь находился главный пост управления рудодобывающего комплекса, теперь же в переоборудованном помещении осталась лишь пара компьютерных терминалов да урезанная консоль управления. Зато вместо демонтированных пилот-ложементов появилась кое-какая меблировка.

– Присаживайся, – произнес Вадим. – Отдельных кают для гостей у меня нет, но что-нибудь придумаем. Сейчас закажу завтрак. Ты голоден?

– Вообще, да, – кивнул Риган, снимая скафандр. Не найдя куда сложить громоздкую экипировку, он сгрузил ее в пустующее кресло за овальным столом, а сам сел в соседнее, наблюдая, как Вадим, морща лоб, набирает коды на сенсорной клавиатуре бытового автомата.

Точно свихнулся. Даже ребенок не стал бы возиться с сенсорами. На что, спрашивается, нужны импланты? Кроме боевых, у него же есть и стандартный, позволяющий управлять бытовой техникой, не прибегая к ручным манипуляциям. Значит, здорово досталось ему на Фрисайде... Мнемонический калека? Или он специально разыгрывает передо мной собственную беспомощность?

Эйджел не понимал ситуации и, естественно, напрягался.

– Относительно каюты не беспокойся. Я могу выспаться на борту «Тайфуна».

– Извини, Риган, ты мой гость. Я ведь достаточно ясно выразился: терять станцию не входит в мои планы.

– Что-то я не совсем понимаю тебя, Вадим. При чем тут твоя станция? Мне нужно всего-то пару контейнеров с активным веществом, ну, и часов пять на подзарядку накопителей. Потом я свалю отсюда.

– Не имею ничего против. – Рощин наконец сформировал заказ и уселся в кресло за столом. – Только прежде чем ты покинешь станцию, нам предстоит мнемоническая процедура. Стирание памяти, если ты не понял. С навигационным компьютером твоего «Тайфуна» я разберусь.

– Нет. – Эйджел расслабленно откинулся на спинку кресла. – Так не пойдет, Вадим. Я не позволю тебе копаться в навигационном компьютере, а уж тем более не собираюсь вступать с тобой в мнемонический контакт.

– Тогда извини... – Рощин поднял руку с «Гюрзой».

Откровенно – в первый момент Эйджел обалдел. Собственная «Гюрза» смотрела ему в лоб, зловеще подмигивая точечными индикаторами накачки электромагнитных ускорителей.

– Вадим, ты действительно спятил?! Что, вот так возьмешь и застрелишь меня?!

– Извини, Риган, – это вынужденная мера. У тебя есть пара секунд, чтобы сделать выбор.

– А моего слова тебе недостаточно?

– Нет.

– Почему, фрайг тебя раздери?!

– Потому, что за мою голову назначена награда. Миллион кредитов. Или ты этого не знал?

– Не имел никакого понятия!

– Теперь имеешь. – От слов Вадима повеяло могильным холодом. Уж кто-кто, а Эйджел умел различать ледяные интонации в голосе оппонентов. Проклятие Шииста... Надо же было так вляпаться... При явном физическом превосходстве и прекрасной боевой подготовке в данный момент он оказался бессилён. Вадим не хуже Ригана владел всеми видами оружия, а опередить реакцию мнемоника, разум которого умеет жить в ином темпоральном потоке, попытка самоубийственная.

– Ладно. – Эйджел поднял обе руки. – Я согласен.

Вадим молча опустил импульсный пистолет.

– Только не думай, что у тебя будет более удобный момент, Эйджел, – предупредил он. – Клянусь, я не причиню тебе ни физического, ни морального вреда. Скажи, на какие координаты запрограммировать навигационный блок «Тайфуна», и ты очнешься в избранной точке.

– Веселый трюк. И сколько ты уже практикуешь?

– Ты первый, – без тени злости или иронии ответил Вадим. – Не дергайся, Риган. У меня действительно нет желания причинить тебе вред. Я всего лишь хочу сохранить свое инкогнито.

– Тогда тебе следовало забраться подальше. Куда-нибудь в неосвоенные сектора Окраины.

Рощин усмехнулся.

– Ты же прекрасно знаешь, что все пространство, вплоть до скопления О'Хара, так или иначе подконтрольно колониальной администрации Аллора. Даже эта система, где давно закончены все работы по добыче полезных ископаемых, рано или поздно подвергнется вторичной колонизации.

– Да ладно... Не преувеличивай. Что тут колонизировать? – Риган нашел удобный момент, чтобы перевести тему разговора в иную плоскость, перейдя с личностей на общие аспекты колониальной политики.

Действительно, панорама глубокого космоса, простирающаяся за иллюзорной прозрачностью кругового экрана, несла не только своеобразную красоту – для искушенного взгляда полная бесперспективность колонизации подобной системы являлась очевидной.

Ну что тут может привлечь самого безумного из инвесторов?

Яркая горошина звезды, сияющая среди газопылевой туманности? Или ее единственная планета – газовый гигант, окруженный плотными скоплениями астероидных глыб, на девяносто процентов состоящих из льда и базальта? Все полезные ископаемые, судя по всему, отсюда уже выбрали с полвека назад, не меньше, а кого интересует лед и камень? Пройдет несколько миллионов лет, и очаговые скопления астероидов, обращающиеся по орбите вокруг холодного шара газовой планеты, в результате столкновений превратятся в кольца, состоящие из мелких, раздробленных обломков – вот все перспективы развития.

Пока Риган созерцал панораму окрестного космоса, из-за края газового гиганта появилось еще одно небесное тело. Им оказался небольшой спутник размером со среднюю луну, такой же холодный и безжизненный, как... хотя нет, локационная система древнего рудодобывающего комплекса автоматически взяла увеличение, и Эйджел увидел: во многих местах из-под ледяного панциря, покрывающего планетоид, в космос извергаются мутные километровые гейзеры.

– Это азот, – пояснил Вадим, проследив за взглядом Ригана. – Спутник покрыт замерзшим азотом, под которым целый океан того же вещества, только в сжиженном агрегатном состоянии.

– Красиво. Но я сомневаюсь, что кто-то станет гонять сюда корабли ради азота. Овчинка выделки не стоит, – категорично заключил Риган.

– Вот и я надеюсь на это, – кивнул Рощин, жестом указав на стол, который быстро и аккуратно сервировал появившийся в помещении андроид.

От взгляда Ригана не укрылось, что человекоподобный механизм необычной модификации успел поучаствовать в каких-то схватках, о чем немо свидетельствовали следы ремонта на его многочисленных бронированных кожухах. Вообще дройд производил странное впечатление. Риган еще ни разу не видел человекоподобных машин, у которых пеноплоть покрывала только лицо и кисти рук.

Ладно, фрайг с ним, с этим андроидом. И без него проблем хватает...

– Да, экспансия захлебнулась, – произнес Эйджел, продолжая упорно гнуть свою линию, стараясь, чтобы мысли Рощина не сосредотачивались на злободневных вопросах личной безопасности. Что может быть лучше непринужденной беседы двух старых знакомых на отвлеченные темы?

– Захлебнулась? Отчего же? – поинтересовался Вадим так, словно минуту назад между ним и Риганом не было смертельного противостояния.

– Ты совсем одичал в своей глуши, я посмотрю. – Эйджел взял в руки нож и вилку. Опасное оружие в руках профессионала, если не учитывать, что оба предмета были изготовлены из мягкого, гнущегося пластика.

Нет, еще не время. Пять часов – достаточный срок, чтобы найти удобный момент. В конце концов, Вадим тоже человек, а значит, может совершить ошибку или допустить оплошность. Риган был уверен, что не пропустит удобного случая, для того чтобы перехватить инициативу в свои руки.

– Как видишь, станцией гиперсферной частоты⁹ пока не обзавелся. – Рощин говорил непринужденно, казалось, что его действительно интересуют последние события в Обитаемой Галактике, в курс которых мог ввести его Эйджел.

– Ну, во-первых, ты, наверное, помнишь о неудачной попытке расконсервации Линии Хаммера?¹⁰

Вадим кивнул, откупоривая изящную пластиковую бутылку с янтарной жидкостью, источающей неповторимый травянистый аромат. События, связанные с попыткой повторной колонизации Юноны и Везувия, едва не стоили корпорациям Окраины потери объединенного военно-космического флота и происходили семь лет назад.

– Да, это я помню. – Он наполнил два бокала.

– Позволь... – Эйджел почувствовал запах и удивленно посмотрел на Вадима. – Неужели Диахр?¹¹

– Он самый.

– Да ты сноб.

Рощин пожал плечами. «Не сноб, а пират», – подумалось ему. Мысль отдавала горечью, но на лице Вадима при этом не дрогнул ни один мускул.

– Давай за встречу. И не держи зла, Эйдж, у меня своя жизнь, у тебя своя, а миллион, обещанный корпорациями, пусть пока полежит в банке Аллора.

⁹ Станции гиперсферной частоты (сокращенно ГЧ) – неизменный атрибут любого развитого мира. Обеспечивают межзвездную навигацию, связь, а также являются носителями общечеловеческой сети Интерстар.

¹⁰ Звездные системы Линии Хаммера (Юнона, Новая Земля, Везувий), по сути, являлись опорными пунктами ВКС Альянса, одновременно образуя рубеж обороны на дальних подступах к прародине человечества. После войны все попытки зачистить планеты от многочисленной боевой техники не принесли результата, и миры были объявлены зоной строгого карантина. Как выяснилось позже, самодостаточные кибернетические системы не только успешно пережили века «забвения», но и инициировали собственную эволюцию, выраженную в борьбе за энергетические и иные ресурсы. Крайне опасные миры, враждебные человеку, изобилующие боевой техникой и скрытыми в толще земли военными базами. (Попытке расконсервации Линии Хаммера посвящен роман «Душа Одиночки».)

¹¹ Диахр – древовидная форма с планеты Флиред. Знаменита своим соком, скапливающимся в соцветиях. Сок Диахра обладает целым рядом ценных фармакологических свойств. Произрастает исключительно в условиях климата родной планеты. Все попытки привить Диахр в иных мирах окончились неудачей.

– Дело. – Риган взял бокал, но, едва пригубив, поставил его на стол. – Так вот, – как ни в чем не бывало продолжил он, – после неудачи с карантинными мирами, насекомым из скопления О’Хара было, мягко говоря, «предложено» заняться вторичной колонизацией и восстановлением Сферы Дайсона, но они до сих пор тянут с окончательным решением о переселении, наверное, ждут, пока Сферу восстановят для них силами Совета Безопасности.

– Нереально.

– Конечно, нереально. Но у насекомых своя психология. Они здорово напуганы после целой череды провокаций. Сначала хараммины выкинули несколько миллионов насекомых на совершенно непригодные для жизни болота, в которые превратились океаны Сферы, потом уже Конфедерация надавала по жвалам тем «диким семьям», которые, в обход договоренностей, пытались колонизировать миры вдоль Рукава Пустоты. Короче, они не спешат возвращаться в свой искусственный мир, и ситуация, по моим представлениям, такова: пока насекомые держат под контролем скопление О’Хара, нечего и думать о новой волне Экспансии. Положение похлеще, чем перед началом Первой Галактической. Нам нужны точки промежуточного всплывания, станции ГЧ и комплексы технического обслуживания в звездных системах скопления, чтобы успешно преодолеть его и двигаться дальше. Но построить их в существующих условиях просто нереально. Три четверти скопления контролируют «дикие семьи», не признающие ни Конфедерацию, ни достигнутые между цивилизациями договоренности.

– Зреет война?

– Может быть.

– Почему «может»? Конфедерация собирается свариться в собственном соку? Или мы будем преодолевать провалы между спиральными рукавами Галактики только из-за того, что деградировавшие семьи насекомых не пускают нас через скопление? – недоверчиво поинтересовался Роцин. Уж он-то знал, какими становятся люди после нескольких лет бесцельного прозябания на окраинных мирах в тщетном ожидании старта колониального транспорта.

– Ну, что касается деградации, – это еще с какой стороны посмотреть, – криво усмехнулся Риган. – Пара исчезнувших в скоплении картографических крейсеров докладывала о контактах с целыми флотами насекомых. После чего корабли больше не выходили на связь. А ты сам знаешь: картографический крейсер голыми руками не возьмешь.

– Ты не ответил на мой вопрос, Риган. По-твоему, будет война с насекомыми или нет?

– Тебя это так волнует?

– Да, волнует.

– Тогда я отвечу, что, на мой взгляд, в ближайшие годы полномасштабных столкновений не предвидится. Скорее скопление на время оставят в покое.

– С чего бы вдруг? – Роцин искоса посмотрел на своего гостя.

– Ты слышал о планетах Ожерелья?¹²

– Это те, что в гиперсфере? Неудачный эксперимент логриан?

– Я бы не назвал его неудачным. Скорее – незавершенным.

– В смысле? – Вадим не скрывал свою заинтересованность, а Риган, что греха таить, не прочь был поделиться известной ему информацией, он был готов сказать даже чуть больше, чем следует, только ради того, чтобы уверить Роцина в своей лояльности по отношению к нему.

– Вижу, ты не прочь свалить отсюда, Вадим? – Эйджел осторожно начал зондировать почву.

¹² Планеты «Ожерелья» – восемь миров, отправленных насекомыми и логрианами в центр аномалии космоса, где они заняли орбиты вокруг энергетического сгустка, напоминающего уменьшенную копию галактического диска. Семь планет лишены атмосферы, мертвы, усеяны обломками колониальных транспортов и иных кораблей, срывающихся на вертикали гиперсферы в результате слепых рывков либо по иным причинам. Лишь одна планета Ожерелья обитаема. Древние расы называли ее Первым Миром, современное название, данное ей людьми, – Араста.

– Было бы неплохо, – кивнул в ответ Рошин, указав на бокал. – Пей, а то весь аромат улетучится.

– Короче, предысторию ты наверняка знаешь. – Риган сделал глоток терпкой жидкости, ощущая, как моментально прояснилось в голове, словно усталость, скопившаяся за последние сутки, улетучилась вмиг.

Прекрасный напиток «Диахр». Баснословно дорогой, редкий, неподдающийся синтетической подделке.

– Ну да... Я слышал, что древние расы каким-то образом отправили в недра аномалии девять планет. Однако шум по этому поводу в галактической прессе поднялся как раз накануне моего вынужденного исчезновения.

– Тогда слушай, – Риган не смог отказать себе в удовольствии и сделал еще один глоток. Вадим – рискованный парень, а жизнь, несмотря на частные заморочки, все-таки неплохая штука. – Ты знаком со свойствами Вертикалей? – обратился он к Рошину, поставив на стол опустевший бокал. К еде Эйджел не притронулся по двум причинам: во-первых, не хотел портить тонкий вкус редкого напитка, а во-вторых, не без оснований опасался, что Вадим мог подмешать ему в пищу какой-нибудь из препаратов, нейтрализующий тонизирующее действие «Диахра».

– Ну, допустим, с Вертикалями гиперсферы знаком любой школьник.

– Устарело, – махнул рукой Риган. – Забудь, что преподавали в школе. Я тебе расскажу не понаслышке, Вадим. Сам испытал на своей шкуре. – Ригана все же понесло, и он, спросив взглядом разрешения, налил себе еще. – Логриане при поддержке инсектов собирались устроить в самом сердце гиперсферы, в зоне десятого энергоуровня, что-то вроде узловой станции. Понимаешь, они открыли свойство Вертикалей, которое нам не было известно на всем протяжении освоения аномалии. Оказывается, вертикальные линии напряженности способны проводить материальные тела при одном обязательном условии – корабль не должен выставить защитные поля, то есть полностью отдаться во власть энергетического потока.

– Сгорит, – покачал головой Вадим.

– Ничего подобного. Ты видел мой «Тайфун». Можешь посмотреть внимательнее – ручаюсь, что не найдешь ни одного оплавленного пятнышка.

– И в чем суть?

– В движении, синхронизированном с потоком частиц, составляющих линию напряженности. Она, как транспортный тоннель инсектов, работает в две стороны. Создаешь поле высокой частоты, погружаешься в аномалию и ловишь ближайшую Вертикаль на масс-детекторе. При погружении все равно какую – они сходятся в пространстве десятого энергоуровня.

– Сам видел?

– Клянусь.

– И каково там?

Эйджел усмехнулся.

– Сказать честно, жутковато. Можешь себе представить энергетический сгусток бледно-сиреневого цвета, по форме напоминающий миниатюрную пространственную модель нашей Галактики? Вокруг, по единой орбите, с небольшими интервалами обращаются те самые девять планет, восемь мертвых и одна с атмосферой. Это результат попыток логриан создать узловую станцию в гиперсфере.

– А что у них не вышло?

– Там очень сильное магнитное поле.

– Киберсистемы не выдерживают?

– Хуже... – «Диахр» развязал Ригану язык, он сам не почувствовал, как начал непридуманно болтать, хотя по жизни был человеком замкнутым. – В магнитном поле сгорают не только компьютеры. В любом проводнике, как его ни экранируй, возникают сильнейшие вих-

ревые токи. Сам видел. Стоит задействовать хотя бы один энерговод, кораблю крышка. Теперь понятно, почему двухголовые так и не создали ничего путного?

– В общих чертах. – Вадим пригубил из своего бокала. – Выход, я так понимаю, все же нашли?

– Естественно, – хохотнул Эйджел. – Нашим военным только дай проблему, рано или поздно разжуют и выплюнут.

– А поконкретнее?

– Так ты слушай. Не перебивай. Корабли для прыжков по Вертикалям оборудуются дублирующими системами. Жуткий примитив, хочу сказать. Все на глазок, благодаря логр-компонентам. Они выступают в роли датчиков, обработку данных производит фотонный компьютер, с накачкой через оптические уловители. В общем, перемещаться там приходится исключительно на механике, связанной со струйными ускорителями. Никакой тебе плазмы, только холодный газ под давлением. Управление, как я уже сказал, – на глазок. Хорошо, если на борту есть мнемоники, – они видят Вертикали и могут даже считывать маркировку уже известных линий напряженности. Сам процесс примитивен до безобразия. Корабль при выключенных энергосистемах – суть чуждое для аномалии тело. Не знаю, какими разработками пользуются военные для постоянного патрулирования, но транспортные и разведывательные корабли, попав в пространство десятого энергоуровня, запрашивают у диспетчерской Ожерелья вектор на нужную Вертикаль и ускоряются в том направлении. Как только энергетический поток захватывает корабль, он начинает отторгать его в трехмерный континуум. Несколько минут, и ты снова в космосе, но уже за сотни, если не десятки тысяч световых лет от точки погружения. Круто?

– Я бы сказал – необычно.

– Скептик ты, Рошин. Подумай, оттуда открывается доступ ко всем звездным системам Галактики. Проблема лишь в том, что пока маркированы от силы десятка три Вертикалей. Из миллионов, вливающих в энергетический сгусток. Ну и техника, конечно, еще не доведена до ума.

Вадим кивнул, с трудом сдерживая эмоции. Все, что сейчас рассказал Эйджел, являлось для него воистину бесценной информацией.

– Ну а ты-то там как оказался?

– Деньги, Вадим. Деньги. Подрабатываю по личной, так сказать, инициативе.

– То есть запросто, вот так шныряешь через гиперсферу под носом у мнемоников Конфедерации? – недоверчиво сощурился Рошин.

– Ну, не запросто, конечно. Приходится выкручиваться, но там сейчас открыли несколько коммерческих линий, осваивают три мира на другой стороне Галактического диска, прикидываешь?

– С трудом... И что с того?

– Ну, ты же знаешь, что такое колонизация. Сплошной поток грузов. Караваны транспортов идут практически постоянно. Я наловчился пристраиваться им в хвост, чтобы спокойно перескочить на Вертикаль восхождения. Ну а потом все просто. Примерно на третьем, иногда на втором энергоуровне врубаю защиту и отскакиваю в сторону. Потом, как обычно, по сетке горизонталей наудачу.

– И что ты ищешь, конкретно? Или это секрет?

– Да какой там секрет! Ты ведь все равно будешь программировать гипердрайв... – махнул рукой Риган. – Что толку скрывать. Ищу планету. С кислородосодержащей атмосферой, естественно... Чтобы продать потом ее координаты за бешеные деньги и плюнуть раз и навсегда на суету и всяческие проблемы... – Эйджел сладко потянулся. «Диахр» на него действовал именно так, как рассчитывал Вадим. Это состояние нельзя было сравнить ни с алкогольным опьянением, ни с наркотическим забытием, мозг человека, простимулированный соком

экзотического растения, имел свойство воспринимать первую волевою установку, полученную извне. Роцин лишь недоумевал: почему Риган попался так просто – ведь он должен был знать о такой особенности предложенного напитка. Хотя знать все и обо всем, пожалуй, невозможно, философски рассудил Роцин.

– Значит, занимаешься дальним поиском?

– Ну да. Только в этот раз не все прошло гладко.

– А что так?

– Да, видно, заметили мой корабль. Я, кстати, не один летаю. С компаньоном. Вернее, компаньонкой.

– Мнемоник? – тут же сообразил Вадим.

– Естественно.

– И где она?

– На «Тайфуне». Только не напрягайся, не напрягайся. Я тебе не врал. И сигнал бедствия подавал не из дури. Шарахнули ее мнемоники Конфедерации.

– Насмерть?

– Нет, к счастью. Но в себя не приходит. Лежит на борту в реанимационной камере. Так что ты, когда будешь на «Тайфуне», не заводись, девчонка получила по полной... Не знаю, выкарабкается или нет.

– Ладно. Хорошо, что предупредил. – Вадим встал.

– Что, о результатах поиска спрашивать не будешь?

– А ты скажешь?

– Нет, конечно. – Риган уже улыбался совершенно неестественно. – Всё тут. – Он выразительно похлопал себя по затылку. – Так что в навигационном компьютере ничего нет.

– Да я и не собирался искать, – откликнулся Роцин, посмотрев на данные хронометра, притаившиеся в нижней части одного из сегментов кольцевого экрана. – Пора заниматься делом, Эйджел.

– Спать охота. Двое суток на ногах.

– Понимаю. – Вадима, как нельзя кстати, устраивал такой оборот событий. – Могу предложить свою каюту. Другого приспособленного помещения на станции нет.

– Ну, если ты так...

– Без глупых реверансов, ладно? Отдыхай, часа четыре можешь поспать. Пока механизмы отгрузят активное вещество, я тебя тревожить не буду. Потом, как договаривались, Риган, без препирательств и глупостей. Входим в мнемонический контакт, я корректирую тебе память и провожу на «Тайфун». Какие координаты вводить в гипердрайв?

– Аллор... – демонстративно зевнув, ответил Эйджел.

– Значит, все-таки нашел планету?

– Не скажу.

– Ну, ладно. Дело твое. Пошли, провожу тебя в каюту.

* * *

Когда за Роциным закрылась дверь, Риган привстал, прислушиваясь к приглушенному звуку удаляющихся шагов.

Фрайг бы его побрал вместе с «Диахром»!

Изображать из себя идиота, попавшего под воздействие экзобиологического наркотика, было напряжно и противно.

Ты мне ответишь и за это, Роцин, не сомневайся ... – мысленно пообещал Вадиму Эйджел, осматривая спартанскую обстановку каюты.

Здесь, как он и предполагал, находился резервный управляющий комплекс станции.

Осторожно совершив несколько безобидных и бесхитростных манипуляций с компьютерным терминалом, Риган поразился двум вещам: во-первых, в системе практически отсутствовали пароли, а во-вторых, управление кибернетическими комплексами осуществлялось при помощи архаичного интерфейса визуально-графических команд.

Сдвинулся Вадим после той атаки или нет, Риган так и не решил, но знакомство с компьютерной сетью рудодобывающего комплекса поведало Ригану об одной фобии Рощина: он явно опасался внезапной атаки мнемоников. И потому перевел все часто используемые системы на ручное управление, чтобы исключить саму возможность дистанционных мысленных манипуляций с кибернетикой его «убежища».

Так, посмотрим, чем ты тут занимаешься ...

Эйджелу не составило труда освоиться с нехитрой, но вполне эффективной системой визуального контроля.

Вообще-то он собирался проследить за Рощиным, однако, взглянув на запускную последовательность контрольного осмотра помещений, решил, что на это будет любопытно взглянуть.

Освоиться с непривычным интерфейсом также не составило особого труда: минутой позже Риган уже свободно переключался между камерами слежения, установленными в различных отсеках рудодобывающего комплекса.

Да, неудобно... Впрочем, чего ожидать от этой рухляди? Комфорт на борту полуавтоматических рудодобывающих станций не планировался изначально, а для радикального переоборудования нужны такие средства, что гораздо проще купить на них новый корабль...

Зря трачу время, – подумалось Ригану.

Еще одно касание сенсора, и Эйджела внезапно бросило в жар. Какое там самообладание... Передающая камера, установленная в парковочном доке «Спейсстоуна», показывала фрагмент звездной бездны, на фоне которой застыл пришвартованный к станции *фрегат*...

Дьяволы Элио... Неужели «Игла»?!

Точно. Риган не верил в совпадения. Значит, Вадим Рощин действительно тот самый неуловимый капитан, который доставил столько хлопот корпорациям Окраины?

Теперь он наконец понял, почему за голову Рощина обещана столь щедрая награда.

Пока он смотрел на укрупненный фрагмент «Иглы», где, присмотревшись, можно было различить полуистершуюся, блеклую надпись на выщербленных бронеплитах, в открытом ангаре (задняя стена вакуум-дока была специально демонтирована, чтобы семисотметровый корабль мог войти в зону действия магнитов удержания) появился уже знакомый Ригану андроид.

Интересно.

Почему дройд не остался следить за мной?

Пока он наблюдал, одновременно размышляя над поведением Рощина, человекоподобный сервомеханизм подошел к шлюзу «Иглы».

Собирается внутрь.

Риган понятия не имел, зачем андроид проследовал на борт фрегата, но ничего хорошего на ум не шло.

«Угораздило же меня всплыть именно в этой системе... Хотя все может быть к лучшему. Только действовать нужно решительно и немедленно. Рощин сейчас на борту „Тайфуна“, коридоры станции пустуют, есть, конечно, риск, что система визуального контроля имеет тревожные датчики, но кто не рискует...»

Риган более не желал задерживаться тут. «Пусть Вадим думает, что я отрубился после дозы его зелья, которое только пахнет „Диахром“. Пока он не вернулся, нужно пробраться в ангар. Это единственный способ избежать „промывания мозгов“ и убраться отсюда невредимым, благо „Тайфун“ причалил к открытому вакуум-доку.

Он меня не остановит. Не успеет. Если действовать быстро, все получится».

* * *

Эйджел не ошибся: Вадим действительно находился на борту «Тайфуна», но занимался отнюдь не программированием блока гипердрайва.

Бледный, как сама смерть, он стоял в медицинском модуле разведывательного корабля подле сложного комплекса систем жизнеобеспечения и, не отрываясь, смотрел на осунувшиеся черты молодой женщины, находящейся в бессознательном состоянии.

Эллен... Это была она.

Вадим чувствовал – еще немного, и он потеряет контроль над своими поступками.

Разум подсказывал: таких совпадений не бывает, не настолько тесна Обитаемая Галактика, чтобы в третий раз случайно пересеклись их жизненные пути.

В первый момент он растерялся, а притаившиеся на доньшке души воспоминания как будто ждали этого, готовясь вырваться на свободу.

Как он мог не узнать ее? Сомнения если и возникли, то на долю секунды, не более.

Эллен....

Я ведь искал тебя после Фрисайда...

Он стоял, окаменев, не зная, что думать и делать. Это была минутная слабость, но что значат шестьдесят секунд для разума мнемоника?

Вечность... субъективная вечность, полная рвущихся воспоминаний.

* * *

Корпоративная Окраина

Система Аллора. Прошлое...

Газопылевая туманность являлась не единственным местом, где Вадим Рошин видел клубящиеся облака, налитые цветом дурной крови.

Существовали еще два уголка во Вселенной, где багровые небеса нависали над его головой, и, словно спутник злого рока, они неизбежно ассоциировались в памяти с событиями, запредельно жестокими, такими, о которых страшно не то что вспоминать – их невыносимо *помнить*...

Но память беспощадна. Особенно остра она у мнемоника.

Багровые небеса...

Впервые он увидел их в возрасте десяти лет, уже после операций по имплантации внутренних чипов.

...Закрытая спецшкола, функционирующая под вывеской учебного заведения колониальной администрации Аллора, имела небольшой внутренний двор, окруженный высоченным стеклобетонным забором, поверх которого была натянута незримая сеть энергетической защиты.

Попасть сюда снаружи, не имея специального пропуска, было попросту невозможно, как, впрочем, и бежать.

Вадим одновременно любил и ненавидел этот похожий на колодец двор, освещенный красновато-рыжими лучами неистовой Горгоны – светила системы Аллора.

Любил потому, что в краткие часы разрешенных прогулок он оставался тут один, не ведая, что это лишь часть эксперимента, очередная веха его мнемонического обучения. Ему казалось, что он свободен, – мальчика не смущали сотни микроскопических камер, соединенных в виртуальную сеть наблюдения, не тревожили чуткие микрофоны, улавливающие даже ритм его дыхания, совершенно не волновали датчики различных спектров, следящие за работой имплантов. Он смотрел в тусклые багровые небеса и мечтал. Тени от высоких стен удлинялись, ползли по стеклобетонному покрытию внутреннего двора, а он, находясь в центре сложной кибернетической сети, опутавшей его рассудок виртуальными тенетами, мечтал о том дне, когда повзрослеет настолько, чтобы вырваться отсюда.

Он знал – из него готовят *мнемоника*, а значит, день, когда его потенциальные возможности превысят порог защищенности кибернетического периметра, непременно наступит, с такой же неизбежностью, как на смену жаркому дню приходит прохладная ночь, – уже тогда он понимал это со всей очевидностью, несмотря на возраст. Отличие Вадима от других воспитанников школы заключалось в том, что он умел прятать некоторые из своих мыслей. Мальчик понимал: его не станут хвалить за них.

Что-то надломилось в его сознании еще пять лет назад на жаркой, пыльной планете Ганио. Жуткие воспоминания о рынке рабов, откуда его вызволил хорошо одетый, улыбочивый мужчина, сделали Вадима замкнутым, он послушно исполнял все, что ему велели, но редко задавал вопросы и неохотно отвечал на них.

Наверное, подсознательно он понял – единственное, чего не могут у него отнять, – это мысли. Но тут, под надзором строгих учителей, приходилось прятать даже их.

...После жестокой дневной муштры, изнурительных заданий, окриков преподавателей вечерние часы спокойствия и одиночества казались ему настоящим счастьем.

Обычно Вадим садился в углу двора, там, где густо росли незнакомые ему кусты с колючими ветвями и мелкими листиками, и мечтал, вдыхая пряный аромат растений.

Его мысли действительно были недоступны следящим системам. Со стороны казалось, что мальчик застыл в полнейшем оцепенении, – на его лице жили только глаза, – взгляд Вадима то скользил по кибернетическим узелкам охранного периметра, которые явственно воспринимал его рассудок, то устремлялся к закатным небесам...

...Тот вечер он проводил, как обычно. Вадим не ведал, что за толстыми стеклобетонными стенами располагаются еще десятки точно таких же, похожих на каменные колодцы дворов, где в мнимом одиночестве находились сейчас другие воспитанники школы. Он не знал и о том, что для преподавателей и нейрохирургов часы вечернего «одиночества» воспитанников являлись наиболее напряженными – персонал занимал места перед информационными системами, наблюдая за показаниями сотен приборов.

Сидя на скамейке под кустом генетически измененной жимолости, Вадим не мог слышать слова своего наставника:

– Похоже, Рощин безнадежен. Нам придется его отчислить.

Нейрохирург (он же специалист по имплантируемым кибернетическим системам) лишь покачал головой в ответ.

– Торопись. Все показания имплантов в норме. Программы работают, как положено. Он видит все датчики периметра.

– Да, но мы не видим их его глазами! Где данные со зрительного нерва? – Мнемоник взглядом указал на пустую виртуальную сферу стек-голографа.¹³ – Если я не могу воспринимать его мысли, значит, не могу и контролировать ни его поведение, ни правильность исполнения приказов. *Такую* работу от нас попросту не примут.

¹³ Стек-голограф – устройство голографического воспроизведения, виртуальный монитор.

– Я постараюсь разобраться. Думаю, это обыкновенный сбой в трансляции данных. Нет причин для скоропалительных выводов...

Фраза, прозвучавшая в адрес Вадима, была последней из множества деловых обменов мнениями.

Багровые небеса постепенно темнели; в расположенном неподалеку мегаполисе уже давно зажглись вечерние огни, – со стороны казалось, что часть городской иллюминации течет, словно река, сбегаящая по циклопическим уступам рукотворной глыбы исполинского города и жидкими, текучими огнями стремящаяся в сторону предместий, где как раз располагалась закрытая спецшкола.

Река огней при ближайшем рассмотрении оказалась не чем иным, как сотнями движущихся в сторону от города флайкаров.

Жутка природа людей.

Мы вырвались к звездам, но мало изменились внутри. Казалось бы – чуждые биосферы, едва одолимые трудности колонизации множества миров должны закалить людей, отсеять слабых, глупых, излишне жестоких или слишком мягкотелых, но нет – уровень роботизации зачастую давал возможность не только выжить самым неприспособленным членам человеческого общества, но и процветать, создавая совершенно бесполезные социальные прослойки, состоящие из праздных, неуравновешенных, склонных к дурным привычкам людей.

Именно такая категория граждан стремительно развивающегося Аллора – фактической столицы Корпоративной Окраины – двигалась сейчас в сторону предместий.

Изнывающие от скуки, они стихийно сбивались в подобие звериных стай с тем отличием, что стаи животных никогда не охотятся на свои жертвы из скуки.

Эти люди годами не могли найти работу, однако социальное пособие позволяло им не только питаться, оплачивать дешевое жилье, но и, изнемогая от праздности, смотреть общественные каналы сферовидения, быть в курсе галактических новостей и считать себя вправе судить те или иные аспекты нравственно-технологического развития цивилизации.

Их взгляды, к вечеру обычно затуманенные алкоголем или наркотиками, уже не первый день были обращены в сторону приземистых, похожих на бункера зданий спецшколы.

После решений Совета Безопасности Миров о новом статусе мнемоников на многих планетах Окраины, в том числе и на Аллоре, возникли стихийные движения в защиту «генетической чистоты вида». Их невесть откуда взявшиеся организаторы имели на удивление четкие программы, постулируя опасность для всего человечества, которая, по их мнению, исходила от нового поколения киборгов, которых лживые корпорации пытаются выдать за полноценных людей.

Тщательно обработанная, доведенная до необходимой стадии иступления толпа, преследующая искусно навязанную ей цель, – вот чем являлся поток текучих огней, неумолимо приближающийся к закрытому спецучреждению колониальной администрации.

Уничтожим генетических уродов!

Такой непритязательный лозунг вел за собой сотни распаленных, не совсем трезвых обитателей городского дна, но, кроме них, к комплексу похожих на укрепленную военную базу построек двигалась в данный момент еще одна стихийно организованная сила.

Планета Аллор, несмотря на развитую инфраструктуру мегаполиса и статус центрального мира Окраины, по-прежнему пребывала в стадии активного терраформинга. Нужно сказать, что местная биосфера доставляла немало хлопот как первым поселенцам, появившимся тут два века назад, так и их нынешним потомкам. Знаменитая Аллорская сельва все еще господствовала на планете, занимая три четверти от общей площади пригодного для жизни материка.

Собственно, борьба с ядовитым для человека растительным покровом являлась основным источником дохода и существования для сотен тысяч эмигрантов, ежегодно прибывающих

на Аллор. Однако в последние годы, с появлением мнемоников, резко изменилась политика всех без исключения корпораций сектора, занимающихся вопросами планетарного преобразования. Возникновение новой касты людей с уникальными способностями позволило наконец внедрить в производство высокотехнологичные самодостаточные роботизированные комплексы, повсеместно заменившие морально устаревшие почвоукладчики.

Но внедрение «терраформеров» резко обостряло проблему безработицы. Один роботизированный комплекс по своей производительности заменял тридцать почвоукладчиков, оставляя без работы порядка двухсот человек из числа сменных операторов и технического персонала разбросанных по сельве станций обслуживания.

Ситуация внезапно приняла резкий, негативный оттенок и стремительно заходила в тупик. С одной стороны, фирмы, занимающиеся планетным преобразованием, увольняли по несколько тысяч человек в месяц, с другой, они все чаще сталкивались с актами саботажа и вандализма: дорогостоящая техника выходила из строя по самым нелепым причинам – ее попросту ломали те, кто остался без работы, но не пожелал влачить жалкое существование на нижних уровнях мегаполиса.

В конечном итоге терраформеров пришлось оснащать стрелковым вооружением, – то есть людей, оставшихся в сельве и организовавших стихийные поселения в местах базирования станций техобслуживания, начали *убивать* при попытках нанести вред дорогостоящей аппаратуре.

Все это являлось отражением иных, более масштабных процессов, протекавших в Обитаемой Галактике.

Основная беда заключалась в том, что вставшее на пути новой волны Экспансии, населенное инсектами скопление О’Хара закрыло паровой клапан цивилизации. Если раньше шло постоянное освоение новых миров и поток эмигрантов, прибывающих на Окраину, не задерживался в динамично развивающихся мирах пограничного сектора, то теперь двигаться стало некуда, новые миры из суровой реальности перекочевали в разряд недостижимой мечты.

Сотни тысяч, если не миллионы «лишних» людей повсеместно скапливались на планетах Окраины.

Их недовольство долго вызревало в поисках жертвы.

Несложно понять, что в конечном итоге виновные всегда найдутся, и в данном случае ими стали мнемоники – люди, чьи способности позволили эффективно внедрить новые методы машинного освоения планет.

Для населения Окраины они являлись существами непонятными, истины о природе мнемоников на тот момент не знал никто, кроме специалистов корпораций, но у человеческого воображения есть неистребимый набор далеко не положительных качеств: не понимая какого-либо явления, оказывающего существенное воздействие на нашу жизнь, мы не задумываемся над его сутью, не ищем истины, – куда проще возненавидеть, чем понять, обойтись простыми, но в корне неверными утверждениями, основанными на домыслах. Именно так в течение ничтожно малого срока возник устойчивый миф о нечеловеческой природе мнемоников. Большинство несведущих, но присвоивших себе право судить граждан сходилось во мнении, что мнемоники не более чем новая разновидность биологических роботов, которых корпорации пытаются выдать за полноценных людей.

Ореол зловещей тайны, окружавший первые опыты по избыточной имплантации, внезапно дал рецидив, упав на благодатную почву невежества или нежелания воспринимать истину: сотни уволенных с работы колонистов, у которых появление мнемоников и внедрение комплексов терраформинга отняли последнюю надежду на какие-либо перспективы, долго копили недовольство, пока наконец не решились действовать.

Уничтожим генетических ублюдков!

Такие лозунги были начертаны от руки на выцветших бортах старых планетопреобразующих машин, которые двигались к закрытой спецшколе со стороны неосвоенных участков Аллорской сельвы.

Жуткий в своих намерениях демарш приближался к комплексу опрятных зданий, где на положении заключенных находились сотни ни в чем не повинных подростков.

Они сидели в глухих, отгороженных от внешнего мира двориках, пытаясь прийти в себя после изнурительных дневных занятий, когда первый луч фар жадно облизнул кажущиеся неприступными стены защитного периметра.

По всему комплексу поднялась тревога, но нападения мирных граждан никто не ждал, оно оказалось внезапным, совершенно немотивированным, а когда со стороны сельвы появились тяжелые мощные планетопреобразующие машины, стало ясно – акция лишь отчасти стихийна.

Снабженные бульдозерными ножами многотонные почвоукладчики с ходу проломили стены периметра, открывая десятки брешей для заранее разогретой, доведенной до стадии тупого иступления толпы городских жителей.

Закатные краски уже почти угасли, когда Вадим услышал оглушительный грохот, сопровождающийся глухим перестуком рушившихся бетонных обломков периметра.

Тем вечером Вадим впервые по-настоящему почувствовал собственную силу и уязвимость одновременно.

Оба открытия ошеломили его: происходящее вокруг не было похоже ни на тренировки, ни на занятия. Грохот низвергающихся стен, яркие, слепящие столбы света мощных фар, *мысли людей*, вручную управлявших машинами, – все это, вместе взятое, походило на взрыв.

Нужно понимать, что рассудок мнемоника *всегда* связан с любыми доступными кибернетическими системами, оказавшимися в радиусе действия его имплантов.

Пережить подобное изменение мироощущения чрезвычайно сложно. Для взрослого человека подобная процедура пагубна, устоявшаяся психика рассыпается на фрагменты, дробится, не в состоянии вернуть себе целостность восприятия реальности. Именно поэтому кандидатов в мнемоники искали среди детей, чья психика пластична, адаптивна, они еще могут принять новые *аппаратные* средства восприятия мира, примириться с ними и, в конечном итоге, принять импланты как неотъемлемую часть собственного «я».

Мысли людей (наиболее яркие, выраженные на пике эмоционального состояния) показались испуганному мальчику сродни вязкой волне маслянистого океана планеты Элио. Ассоциация проскользнула на уровне подсознания.

И тут же, следом, не дав ни толком испугаться, ни вздохнуть полной грудью, ни позвать на помощь, внезапно пришла кристальная четкость восприятия, словно вечер сменился феерическим полуднем на совершенно незнакомой планете, где быют неистовые энергетические разряды, а вокруг все движется в замысловатом сплетении незримых для обычного взгляда явлений.

Он не мог сопротивляться нарастающему внутри процессу.

Перед внутренним взором, на фоне бушующих энергий, вспыхивали и тут же гасли лаконичные надписи:

Включение метаболических ускорителей .

Статус имплантов – полная активация.

Боевой режим.

Мощная стена внутреннего дворика внезапно покрылась замысловатой сеткой трещин и начала медленно оседать, поднимая облако белесой пыли.

Все происходило, словно в замедленной съемке.

Вадим ощущал, как одна за другой выходят из строя, рушатся вместе с обломками стены кибернетические системы.

Он инстинктивно отпрянул в сторону, пробежал с десятков метров, остановился, но не стал озираясь, словно испуганный ребенок, – оказавшись среди хаоса и разрушений, он не испытывал ужаса, наоборот, на мгновение пришел непонятный восторг, будто все происходящее вокруг было сродни стихии, разрушительной, опасной, но по-своему красивой...

Вязкая волна человеческих мыслей, из которых становились понятны если не побудительные мотивы, то конкретные намерения атакующих, обдала его жарким дыханием ненависти, черной, необузданной и необоснованной.

Он не мог ответить этой поглощающей рассудок волне, оттолкнуть ее прочь, но Вадим сумел выстоять, абстрагироваться от вязкости чужих мыслей, и мир снова расцвел разноцветьем брызжащих энергий.

Прямая связь с подсознанием (обычно недоступная для разумного управления человеком) давала ему неоспоримые преимущества – он мог воспользоваться всеми знаниями и опытом, которые день за днем укладывались в его рассудок строгими наставниками, обучающими программами, виртуальными тренажерами и, как казалось, – забывались, вытеснялись из памяти новым днем изнурительных тренировок.

Ничего подобного.

Сейчас, когда включился имплантированный модуль прямой аппаратной связи с областями долгосрочной памяти, Вадим внезапно понял, что ничего не забыто: сотни уроков воспринимались сознанием как огромная база данных, доступная для мгновенного прочтения.

Взрослый сошел бы с ума, открыв подобное в собственном рассудке, но Вадим был чужд иррациональному страху перед своими возможностями. Разве не о них твердили ему каждый день?

Мысли, чувства, ощущения – все спрессовывалось в миллисекунды бытия, за которые он успевал понять, с недоступной обычному подростку спокойной рассудительностью, суть происходящих вокруг процессов разрушения и одновременно ужаснуться им, увидеть частицу прекрасного в мрачной энергетике разрушения и осознать, что если ничего не делать, то спустя некоторое время его просто *убьют*.

Последняя мысль внезапно стала доминантой, она заполнила рассудок, требуя немедленных ответных действий.

Вокруг с тяжким грохотом рушились многотонные обломки стеклобетона, мрак взрезали лучи поисковых прожекторов, громадные машины карабкались по кучам щебня, подминая обломки траками широких гусениц, человеческая ненависть исчезла, теперь он ощущал болезненный азарт охотников, которые боялись содеянного, но уже не могли остановиться, – Вадим внезапно увидел распростертое среди окровавленных фрагментов стены наполовину раздавленное, перемолотое гусеницами тело такого же, как и он, подростка.

Ужас.

Мгновенный ужас прошелся отрезвляющей волной, вновь вернув сознанию кристальную ясность проносящихся с бешеной скоростью мыслей.

Он наконец очнулся.

Игры и уроки кончились.

В проломы стен ворвалась жизнь.

Десятилетний мальчик стоял посреди бушующего хаоса разрушения, впитывая идущие отовсюду эманации человеческого страха, агонии, ненависти, и вдруг звенящей нотой в его сознание ворвалось нечто иное: он *увидел*, как, перебираясь через нагромождения обломков, кашляя и задыхаясь от пыли, бежит, спотыкаясь, падая, крича в голос, незнакомая девочка его возраста. Ее щека была испачкана кровью, глаза слезились от разъедавшей их бетонной пыли, рот некрасиво кривился в иступленном крике...

Первое знакомство с чудовищной реальностью.

Разум отторгал данность.

Он не хотел более воспринимать вязкие волны человеческих эмоций.

На фоне короткой безэмоциональной агонии кибернетических систем подобные эманации казались отвратительными, непонятными, удушающими.

Он медленно, будто во сне, повернул голову, и его импланты наконец заработали, исполняя свое предназначение, выплескивая на диапазонах связи четкие алгоритмы команд.

Девочка, чей образ ошеломил его, находилась в ста сорока метрах от Вадима, на территории смежного внутреннего двора, – эти данные ему удалось снять с уцелевших на огрызках стен, работающих на автономном питании датчиков.

Он не прилагал специальных усилий, чтобы сконцентрироваться, все вышло само собой, как и должно происходить в рассудке мнемоника: мысль Вадима, направленная задыхающейся от ужаса девочке, была мгновенно оцифрована и передана ей по каналам прямой мнемонической связи, – импланты Вадима транслировали инструкции, которые автоматически воспринимались ее кибермодулями и преобразовывались из машинного кода в понятные человеческому рассудку мысленные образы.

Она остановилась, все еще дико озираясь по сторонам, всхлипнула, машинальным движением руки размазывая кровь и грязь по щеке, затем ее глаза отыскивали пролом, заваленный горами раздробленного стеклобетона, карабкающийся по отвалам почвоукладчик, далее обычное зрение уже не работало – в ход пошли включившиеся после мнемонического контакта сканирующие системы, и она увидела Вадима.

Беги ко мне.

Я боюсь!.. Меня раздавит!..

Беги!

Ее разум подчинился волевому приказу.

Громада почвоукладчика разворачивалась, лязгая траками гусениц. Мощный прожектор, установленный на лобовом скате брони, казался глазом мифического циклопа, но Вадим не ощущал ужаса перед неуклюже разворачивающейся машиной.

Вполне понятный механизм, которым в данный момент управляла не здравая логика программ, а злая, непонятная воля сидящего за рычагами управления человека, потерявшего рассудок от творящегося вокруг.

Он был убийцей.

Вадим читал мысли водителя, как ровные строки набранного на компьютере текста.

Его звали Джон.

Он потерял работу и во всем винил мнемоников, новых сотрудников отдела терраформирования, которые могли контролировать сложнейшие роботизированные комплексы, пришедшие на смену морально устаревшим почвоукладчикам.

Его логика, простая до примитивного безобразия, не несла ни грамма здравого смысла, являясь полностью субъективной, она вела человека по пути ложных выводов, он даже не мог толком связать в своем сознании причину со следствием и потому бесновался, чувствуя собственную ограниченность, никчемность. Он не мог понять необратимость прогресса, не принимал пришествия новых технологий, ненавидел все, что не в силах был постичь, и в то же время являлся откровенным трусом.

Он пришел сюда с единственной целью – выплеснуть свои жизненные неудачи на головы безвинных воспитанников корпоративной школы, в жестоком, несправедливом заблуждении считая, что, убив их, он вернет себе прежнюю жизнь...

Почему он не обратил свой гнев на взрослых сотрудников отдела терраформирования?

Джон боялся. Он ненавидел мнемоников и боялся их.

В его жилах холодела кровь при одной мысли о том, чтобы подойти к взрослому, уже состоявшемуся мнемонику и оскорбить его словом либо действием.

Нет, на такое он неспособен. Но, утопив свой ужас вместе с остатками здравого смысла в изрядной дозе алкоголя, он решился пойти на штурм корпоративной школы.

Где логика?

Ее не было. Был страх и исступленная злоба.

Луч прожектора повернулся, внезапно высветив фигуру Вадима.

Вот он, имплантированный ублюдок...

Мысль обожгла рассудок, словно горячий слюнявый язык, лизнувший мозг Вадима.

Его едва не вырвало.

Почвоукладчик рывком тронулся с места, сползая по отвалам бетонного щебня.

Беги ко мне!

Я бегу!.. Ты только не уходи, ладно?!.

Я не уйду. Обещаю.

Вадим не понимал, откуда в нем такая твердость. Он не боялся ни машины, ни управлявшего ею человека.

Импланты вышли на предел мощности проникающего излучения, передавая команды от разума мальчика к исполнительным кибернетическим системам почвоукладчика.

Огромная машина внезапно остановилась, затем начала поворачивать, застопорив одну из гусениц.

Сидящий в кабине человек моментально сообразил, в чем дело.

Ах ты, маленький корпоративный выкормыш...

Тщетные попытки вернуть утраченное управление почвоукладчиком только усилили страх и ненависть. Джон понял: ему не совладать с машиной, пока этот бледный, серьезный не по годам подросток стоит среди бетонных обломков и играет с кибернетической системой, заставляя ее совершать незапланированные действия.

Но ничего... Я достану тебя...

Рассудок совершенно покинул Джона.

Он выбрался из кресла и, схватив подвернувшийся под руку увесистый металлический прут, служивший рычагом в одном из ремонтных приспособлений, начал выбираться наружу.

Он намеревался просто размозжить голову этому недоноску вместе с той кибернетической дрянью, что напихали в его мозг нейрохирурги.

Мир для людей.

Конечно, если Джона можно было назвать *человеком*.

Вадим видел, что водитель выбирается из кабины почвоукладчика.

Он мог убить его десятком различных способов. Не все защитные системы периметра отключились в результате разрушений, часть охранной электроники по-прежнему функционировала, но в отсутствие четких централизованных команд бездействовала, – утратив связь с базами данных, исполнительные механизмы периметра не могли определить для себя понятие «цель».

Вадим вполне мог генерировать нужный образ, дав конкретные целеуказания автомату, но не стал это делать. Он не хотел влиться своими мыслями в волну убийственной человеческой ненависти, не желал, чтобы заработали установки импульсных турелей, пятная обломки стен ошметьями разорванной плоти.

Его наставники расценили бы подобные мысли как явное отклонение в работе рассудка *защищающегося* мнемоника, но, к счастью для Вадима, они уже не контролировали ситуацию.

Все происходило очень быстро.

Джон еще выбирался из кабины почвоукладчика, когда руки Вадима коснулась холодная ладонь девочки.

Как тебя зовут?

Эллен...

А меня – Вадим. Давай будем защищаться.

Как? – В ее мысленном голосе все еще сквозила паника.

Просто. Ты ощущаешь работу устройств периметра?

Да...

Работают два фантом-генератора. Нужно, чтобы они спроецировали наши голографические копии.

Хорошо. Я постараюсь.

Действуй. Я займусь маскировкой.

Когда Джон, оступившись, скатился по куче бетонного щебня, больно ударившись плечом о крупный обломок стены, к юнцу, перехватившему управление его машиной, присоединилась еще и девчонка.

Убью, обоих!.. – шарахнулась в пустом, измученном рассудке злая мысль. Он встал, поднял металлический прут и, замахнувшись, ударил.

Металл со свистом рассек воздух.

Ожидая встретить сопротивление, Джон едва устоял на ногах, с трудом удержав равновесие.

Какого фрайга?!

Мальчишка стоял в полуметре от него и как ни в чем не бывало сверлил Джона своим холодным взглядом.

Он сморгнул, но наваждение не исчезло.

Оба подростка выглядели натурально, и он, опустив прут, протянул руку, погрузив трясущиеся пальцы в голографическое изображение.

Проклятие...

Он резко обернулся, но вокруг, вне освещенного прожектором пространства, сгушалась тьма, подсвеченная заревом начавшегося неподалеку пожара.

Они где-то рядом... Сердце Джона бешено молотило в груди. Он озибался по сторонам, не находя взглядом ничего, кроме следов разрушений, причиненных периметру его действиями.

На самом деле Вадим и Эллен стояли в трех шагах от Джона. Голограмма являлась лишь частью маскирующего воздействия установки фантом-генератора. Сложный комплекс не только проецировал трехмерные копии взявшихся за руки детей, но и скрывал их самих от постороннего взгляда, создавая искривление метрики, заставляя световые волны огигать фигуры, создавая иллюзию пустого места.

Возможно, рассвирепевший и сбитый с толку Джон, наугад размахивая длинным прутком, случайно задел бы детей... или наоборот – приблизившись на опасное расстояние, получил бы от Вадима сокрушительный, испепеляющий разум мнемонический удар – этой злой ночью нельзя было поручиться, какими последствиями обернется то или иное действие.

Вадим действительно был готов защищать свою жизнь. Он многое понял за четверть часа, которые минули с момента вторжения слепой, разрушающей силы.

Они одиноки.

Одиноки не в каком-то конкретно взятом мире, а во всей обозримой Галактике.

Везде на них будут смотреть с подозрением и плохо скрытой неприязнью. Он чувствовал это, так же как и Эллен, дрожащая, прильнувшая к нему, напуганная до смерти, но тоже готовая сопротивляться.

Джон внезапно сплюнул на бетонную пыль, покрывшую внутренний дворик толстым белесым слоем, и развернулся в сторону почвоукладчика, когда из темноты вдруг раздался твердый окрик:

– Стоять. Колониальная полиция! Брось арматуру на землю и подними руки!

Из темноты, словно материализующиеся призраки, один за другим появлялись вооруженные люди в черной мимикрирующей экипировке, которая тут же светлела, на глазах окрашиваясь в оттенки серого.

– Джон Шервуд, вы арестованы.

В голове Вадима что-то переключилось.

Он мысленно *отпустил* устройство фантом-генератора, и голографическая проекция тут же исчезла, а в метре от нее появились настоящие фигуры подростков.

Эллен всхлипнула.

Не отпуская ее руки, Вадим сделал несколько шагов и сел на запорошенную белесой пылью, чудом уцелевшую скамейку.

Сержант, только что арестовавший Джона Шервуда, опустился на корточки.

– Дети, с вами все в порядке?

Вадим поднял взгляд, и сержант вдруг невольно отшатнулся.

На него смотрели глаза взрослого, умудренного нелегким жизненным опытом мужчины, который только что собирался убить человека.

Боже... Мнемоники. Эти дети – мнемоники, – мгновенно сообразил сержант.

– Володя, присмотри за ними. Я свяжусь с управлением.

Они больше никогда не встречались, вплоть до роковых событий на Фрисайде.

Вадима и Эллен постарались сразу же изолировать друг от друга – даже в город их везли на разных машинах, выполняя четкие инструкции специалистов, знакомых с так называемым эффектом бабочки, когда два мнемоника, в экстремальных ситуациях обменявшиеся глубинными переживаниями, становятся духовно близки настолько, что начинают ощущать себя единым целым, по крайней мере, находясь в пределах возможного мнемонического контакта.

Как два одинаковых крыла бабочки, которая не сможет лететь, потеряв одно из них.

Если Вадима и Эллен намеревались и дальше использовать по отдельности, их следовало немедленно разлучить, пока чувство сблизившей их опасности не закрепилось на подсознательном уровне.

Настоящее...

Некоторое время Рошин стоял, смертельно побледнев.

Захлестнувшие разум воспоминания отступили, отпуская рассудок.

Хьюго? Ты меня слышишь?

Да, Вадим.

Немедленно пришли во второй вакуум-док автономную реанимационную камеру.

Вадим, такое оборудование есть только на борту «Иглы».

Значит, сходи туда. Аппаратура нужна мне немедленно. Ты тоже.

Что-то случилось с нашим гостем?

Нет, с ним все в порядке. Много вопросов, Хью. Я жду тебя, действуй.

Отдав распоряжения, Вадим взглянул на показатели медицинского комплекса, под опекой которого в данный момент находилась Эллен.

Похоже, Риган не лгал – все жизненные показатели оставались в пределах нормы, а вот мнемоническая активность отсутствовала. Разум Эллен находился в состоянии стасиса, который предполагал два исхода: либо она ушла в глухую мнемоническую защиту и не смогла вернуться в реальность, либо...

О втором исходе Вадим не хотел сейчас даже и думать.

Я заберу тебя, Эллен, – мысленно обратился он к ней. – Риган ничем не поможет тебе, а я попробую.

Эйджел притаился в ангаре вакуум-дока.

Ему удалось забрать свой скафандр и выбраться в разгерметизированный причальный отсек через один из множества технических коридоров.

Когда-то Риган проходил тренировки на подобном устаревшем рудодобывающем комплексе. Он хорошо знал структуру космических фабрик класса «Спейсстоун» и смог без особого труда достичь своей цели.

Однако, наблюдая за пришвартованным к внутреннему причалу «Тайфуном», он сделал весьма неприятное для себя открытие – Рошин по каким-то причинам решил забрать его спутницу, о таком намерении ясно свидетельствовали действия дройда, доставившего в вакуум-док герметичную камеру поддержания жизни.

Риган понятия не имел, зачем Рошину понадобилось забирать Эллен.

Из сострадания? Или он что-то заподозрил?

Проклятие...

В тот момент он был безоружен и, подсчитывая свои шансы в рукопашной схватке с мнемоником и сопровождавшим его андроидом, пришел к закономерному выводу – риск неоправдан.

Но с него ведь голову снимут, если он вернется без Эллен!..

Как ни крути – замкнутый круг.

Нет... Нужно воспользоваться ситуацией и уносить ноги. Пусть свихнувшимся мнемоником занимается корпоративный отдел безопасности, тем более что здесь «Игла», которую безуспешно искали на протяжении последнего года...

Дождавшись, пока Рошин и андроид скроются в шлюзе, Риган ловко спустился по решетчатым конструкциям к «Тайфуну».

На душе было гадостно. Он слишком хорошо понимал, что влип в историю, из которой будет трудно выбраться. Рошин даже не подозревал, какую ценность для корпорации представляет бессознательное тело Эллен.

«Лучше бы я никогда не соглашался на эту аферу...» – с запоздалым обреченным отчаянием подумал Эйджел, пробираясь на борт АРК.

За время его отсутствия реактор корабля выработал достаточно энергии, чтобы осуществить старт и погружение в гиперсферу.

Риган не сомневался, что сумеет уйти. Ручное управление работало исправно, Роцин сейчас где-то в коридорах «Спейсстоуна», его фрегат по ту сторону рудодобывающего комплекса, – нет, никто не сможет встать на пути бегства.

* * *

Вадим резко остановился, ощутив толчок.

Мгновенная связь с системами слежения показала, как «Тайфун», отстыковавшись от станции, включил двигатели планетарной тяги, сжигая аппаратуру ангара, а вместе с ней – и саму возможность противодействия. Электромагниты насильственного удержания отключились, превратившись в оплавленные остовы, а корабль Ригана уже вырвался из вакуум-дока, стремительно превращаясь в пылающую точку.

Вот когда Вадим по-настоящему пожалел, что перевел все системы «Спейсстоуна» в полуавтоматический режим, требующий непосредственного ручного вмешательства человека для совершения каких-либо действий.

Защитив себя от атак мнемонических, он оказался бессилен воспрепятствовать бегству Ригана.

– Он приведет сюда корпоративный флот, – изрек андроид, оценив ситуацию.

– Знаю, – откликнулся Вадим.

Он уже принял решение и потому не колебался.

– Транспортируй камеру на борт «Иглы». Я соберу кое-какие вещи. Буду через пару минут.

– Мне готовить фрегат к прыжку через аномалию?

– Нет. Нельзя оставлять след. Поступим иначе, – имплант Роцина взморгнул, передавая системе дройда изображение газопылевой туманности. – Уведем фрегат в зону пылевых облаков.

Глава 2

Корпоративная окраина. Прошлое...

Он ее забыл.

Об этом позаботились принявшие мальчика специалисты.

Успешно окончив курс подготовки на другой планете Окраины, Вадим Рошин получил статус боевого мнемоника и начал работать на корпорацию «Инфосистемз».

Постепенно его жизнь налаживалась. Детские годы не стирались в памяти, но у него появилась иная жизнь, другие интересы, так что толку ворошить прошлое?

Корпорация виделась Вадиму чем-то безликим, но близким, он постоянно ощущал присутствие миллионов ее сотрудников не в физическом плане, конечно, а на некоем уровне абстракций.

В его понимании он воспринимал силу, сложенную из миллиона маленьких частиц. Ощущение единства не являлось навязчивым, но оно постоянно присутствовало в мыслях, не позволяя ему выпадать из общности корпоративных интересов, даже когда Рошину приходилось действовать в одиночку.

В ту пору он считал, что нашел свое место в жизни.

Трезвый взгляд на мир, а особенно на реальность сектора Окраины, подсказывал: тебе повезло, парень... менялись местами знаки восприятия прошлых событий, и теперь он думал о произошедшем на Ганио совсем в ином ключе. Если раньше его остро ранило все связанное с рынком рабов и дородным *покупателем*, приобретшим его, как животное, то теперь он мыслил несколько в ином ключе. Как бы сложилась его судьба, не окажись на Ганио сотрудника «Инфосистемз»? То, что корпорации пришлось заплатить за его освобождение (да именно так теперь мыслил Вадим), только усиливало его чувство ответственности перед теми, кто позволил потерявшему все мальчишке вырасти и получить необыкновенные способности...

Миф, внедренный в его сознание нейропрограммистами, рассыпался на далекой планете, где столкнулись интересы двух неоспоримых лидеров корпоративной Окраины.

Фрисайд, кислородный мир пятого типа, был обнаружен в системе одноименной звезды, где, по данным картографии времен Первой Галактической, вообще не существовало планет.

Картографические данные, оставшиеся в наследство от эпохи «слепых рывков» через аномалию, по определению, подвергались сомнению и перепроверялись, но в данном случае невыгодное расположение звезды относительно освоенных гиперсферных маршрутов долгое время служило помехой для исследований – кому придет в голову тратить ресурсы на проверку одинокой звезды, удаленной на тридцать световых лет от пограничных планет освоенного космоса?

Фрисайд долгое время просто игнорировали, но открытие шарового скопления О'Хара, расположенного за сузившимся провалом Рукава Пустоты, заставило ведущие корпорации сектора начать новый виток борьбы за *доступные* ресурсы. В новых условиях игнорировать удаленную, не принадлежащую никому систему явилось бы признаком глупости.

Повторная разведка Фрисайда обнаружила три планеты, одна из которых вполне годилась для колонизации, а две другие представляли известную ценность в плане естественных ресурсов.

Права на освоение системы выкупила корпорация «Инфосистемз», но, как выяснилось, на пригодной для жизни планете вот уже несколько лет хозяйничали терраформеры промышленной группы «Эхо».

Колониальная администрация, продавшая сведения об обнаруженных планетах с аукциона, юридически несла ответственность за предоставляемые данные, но убрать конкурентов из системы, действуя в правовом поле, не удалось. Оказывается, на Фрисайде в период Первой Галактической существовало несколько баз Земного Альянса. Это объясняло, почему в звездные каталоги были внесены ложные данные о наличии в системе планет, и автоматически включало действие седьмой поправки колониального кодекса, по которой права на планету, зачищенную от остаточных боевых систем, неоспоримо принадлежали организации либо группе лиц, осуществивших эту самую зачистку.

Адвокаты «Инфосистемз» утверждали, что на планете, к моменту появления разведывательных кораблей корпорации «Эхо», не было в какой-либо степени опасных кибернетических форм, переживших тысячелетия забвения, но проверить это было практически невозможно.

Руководство промышленной группы «Эхо» упрямо ссылалось на седьмую поправку, не желая признавать законности аукциона.

Однако деньги в Фрисайд уже были вложены как одной, так и другой стороной, пересматривать же итоги аукциона отказывалась сама колониальная администрация, сорвавшая на торгах приличный куш.

Ситуация резко заходила в тупик, ломались тщательно выстроенные планы, финансовые потери грозили вылиться в астрономические цифры убытков.

В систему Фрисайда было срочно передислоцировано несколько подразделений корпоративного флота промышленной группы «Эхо», не собиравшейся отдавать без боя планету, где уже начались работы по терраформированию.

Флот «Инфосистемз» был переведен в состояние повышенной боевой готовности, но сведений о системе было явно недостаточно для атакующего прыжка через гиперсферу.

Нужна была предварительная разведка – как пространственная, так и планетарная.

Решать участь системы предстояло корпоративным военно-космическим силам – ситуация для Окраины вполне заурядная.

Вадим, занятый проблемами повседневной службы, не удивился, когда его вызвали в штаб флота. Он следил за новостями и понимал, что столкновение между двумя корпорациями неотвратимо, и ему, как боевому мнемонику, не избежать участия в вооруженном конфликте.

Пространство гиперсферы. Борт разведывательного фрегата «Янус»

На «подступах» к системе Фрисайд...

Пять человек в полной боевой гермозкипировке стояли на предшлюзовой площадке внутреннего космодрома.

Вадим чувствовал себя неудобно. Он привык работать в связке с другими мнемониками, но его неожиданно ввели в состав диверсионно-разведывательной группы – штатного тактического подразделения флота, состоявшего из хорошо подготовленных, но не обладающих мнемоническими способностями бойцов.

Как известно, приказы не обсуждают, но назначение явилось для него полной неожиданностью. Он не думал, что когда-то придется действовать в составе подразделения «головорезов» – так за глаза именовали элитные диверсионные группы корпоративного флота.

Задача, поставленная перед ними, являлась совокупностью элементарных действий, но в комплексе проблем, которые предстояло решить на месте, виделась весьма сложной.

Скрытно высадиться на поверхность Фрисайда, провести разведывательно-диверсионный рейд, выявить опорные пункты обороны противника и, собрав необходимые сведения,

нарушить в условленный момент связь между поверхностью и орбитой, обеспечив выход боевых единиц флота из пространства гиперсферы.

На все отводились сутки.

В задачу Вадима входило мнемоническое сопровождение: он должен был обеспечить скрытность, ограждая диверсантов от обнаружения следящими системами или того хуже – мнемониками противника.

Инструктаж оказался на удивление скупым и коротким.

Роцин не заметил, чтобы на предшлюзовой площадке присутствовали другие группы, но не сомневался: они будут действовать на планете не одни, слишком уж сжатые сроки (при масштабности поставленной задачи) отведены для операции.

Слушая инструктаж, он постепенно мрачнел.

Внедрение разведывательно-диверсионных групп на планету, ставшую яблоком раздора между двумя могущественными корпорациями сектора, процесс рискованный. Как произвести высадку, не вызвав при этом естественной реакции скрытых на Фрисайде сил?

Несколькими минутами позже шлюзовой переход привел их на борт старого грузопассажирского лайнера, жестко состыкованного с боевым фрегатом.

– Пятая группа, занять места в аварийно-спасательных капсулах, номера 12, 34, 51, 72, 89. Исполнять!

Вадиму, как прикомандированному, досталась капсула под номером 89.

Секундного включения имплантов с избытком хватило, чтобы считать опознавательные маркеры корабля. Грузопассажирский лайнер «Антропос» принадлежал одной из фирм, занимавшихся перевозками между центральными мирами Конфедерации и Окраиной.

Хитрый ход. Маркировка Конфедеративного Содружества не позволит открыть по терпящему бедствие кораблю огонь на поражение. Пока затребуют базы данных, разберутся, что лайнер фактически списан по причине технического несоответствия современным нормам безопасности и в последнее время возит исключительно грузы, а не пассажиров, кибернетическая система корабля будет выполнять внутренние инструкции, которые предполагали автоматический отстрел спасательных капсул, при возникновении аварийной ситуации.

Часть из них сгорит в атмосфере или разобьется о поверхность, что на некоторое время введет в заблуждение разведку противника.

Что стоит человеческая жизнь, когда решение о начале боевых действий уже принято и на карту брошены миллионы галактических кредитов?

Вадим не строил иллюзий.

Человеческая жизнь не стоила ничего.

Неприятная ситуация ... Падать в утлой, давно выслужившей свой срок скорлупке спасательной капсулы, не ведая, отработают ли как положено ее механизмы, будет жутковато, тем более что ему категорически запретили пользоваться имплантами вплоть до окончания высадки.

Он не привык полагаться на удачу, но в данном случае Роцину не оставили никакого права выбора. Оставалось лишь надеяться, что специалисты, готовившие «Антропос» к предстоящему спектаклю, поработали на совесть.

Проверив герметизацию, он вытянулся внутри каплеобразного аппарата, позволив дугам амортизационного каркаса сомкнуться вокруг бронескафандра.

Неожиданно заработал коммуникационный канал:

– Внимание всем – шестьдесят секунд до начала операции. Повторяю – по достижении поверхности Фрисайда связь не включать. Каждый выбирается сам. Места сбора вам известны. Следы присутствия не оставлять. В капсулы вмонтированы автоматические устройства ликвидации, которые имитируют критические повреждения при ударе о поверхность. Боевым мнемоникам

моникам до сбора групп работать исключительно в режиме пассивного приема данных. Все. Удачи.

Коротко и по существу.

Вадим невольно поежился. Непривычно оставаться слепым и глухим, но инструктировавший их офицер прав: мнемоники противника в первые часы после аварии будут с особой тщательностью следить за любыми аномальными явлениями. А работа имплантов, как известно, вызывает определенные возмущения «фоновой» энергетики.

«Если на Фрисайде уже сформирована мнемоническая сеть, нам несдобровать, – подумалось ему. – Теперь понятно, почему ядро групп составляют обыкновенные диверсанты. Так меньше риска попасть в виртуальную ловушку. „Головорезы“ привыкли полагаться на собственное зрение и слух, они могут вообще обойтись без показаний приборов, по крайней мере, какое-то время. Интуиция, опыт да нехитрые приспособления, позволяющие сориентироваться на местности, – вот их первое оружие, обеспечивающее скрытность. За броне-скафандры можно не волноваться, они надежны, отлично экранированы от паразитического излучения,¹⁴ а по-глощающий состав типа «Хамелеон»¹⁵ не только мимикрирует¹⁶ под фон окружающей поверхности, он к тому же эффективно гасит избыток тепла и рассеивает радарные лучи, не отражая сигнал...»

Мысли Вадима нарушил толчок.

Началось.

Грузопассажирский лайнер отстыкован от фрегата.

К горлу подкатило легкое чувство тошноты, вызванное невесомостью.

Удары сердца глухо отсчитывали секунды томительного ожидания, пока вдруг не возникло мгновенное ощущение перегрузки, вслед за которым пришел жесткий динамический удар – это отработала стартовая электромагнитная катапульта.

Все. Он в трехмерном космосе и падает в атмосферу Фрисайда.

Тускло светились шкалы приборов спасательной капсулы. Благо хоть их не отключили... Электронный альтиметр работал с перебоями, видимо, сбились датчики лазерных дальномеров. Показатель температуры рос, но это как раз радовало – из-за нагрева обшивки ни один мнемоник не сможет с уверенностью сказать, что именно несет на борту спасательная скорлупка, пуста ли она, как сообщают перепрограммированные устройства коммуникации?

На высоте полутора километров вернувшееся было состояние невесомости резко сменилось перегрузкой – включились реактивные двигатели торможения, затем кровь опять отлила от лица одновременно с появлением неприятного ощущения щекотливого холода в животе и...

Слабый, не сравнимый со стартовым динамический удар возвестил о посадке – капсула соприкоснулась с поверхностью планеты на удивление мягко, и Вадим тут же понял почему: внутрь, через обозначившиеся щели между раскрывающимися сегментами обгоревшей, покрытой окалиной обшивки, вдруг начала просачиваться мутная, кипящая, плюющаяся паром вода.

«Куда же меня угораздило приземлиться?»

Поначалу Вадим не волновался, но когда бурлящая жижа начала извергаться со всех сторон, вызывая короткие замыкания в энергетической системе спасательной капсулы, глухая тревога на миг едва не переросла в панику – не видя и не *ощущая* ничего вокруг, кроме мут-

¹⁴ Паразитическое излучение – излучения электромагнитных, тепловых или иных волн, вызванные работой различных систем и оборудования скафандра.

¹⁵ Состав «Хамелеон» обычно наносится поверх брони и служит для поглощения различных форм сканирующего излучения.

¹⁶ Мимикрия – способность (у некоторых животных и растений) изменять цвет своих покровов под фон окружающей среды.

ной жидкости, было легко вообразить, что обгоревший спасательный аппарат пронзает сейчас толщу воды где-нибудь посреди океана.

Что он знал о Фрисайде? Были ли тут большие водные поверхности?

Автоматически включился фонарь скафандра, и в его свете Рошин заметил бурые нитевидные водоросли. Это мимолетное наблюдение немного успокоило его. «На больших глубинах растительности, как правило, нет...» – мысленно рассудил он.

Выбраться из обгоревших, раскрывшихся сегментов капсулы было не так просто: мешали заклинившие на половине хода амортизационные дуги кресла. Повозившись с ними секунд тридцать, Вадим попросту сломал каркас, благо сервоусилители мускулатуры работали как должно.

Нельзя терять время. Траекторию каждой спасательной капсулы наверняка отслеживали, и поисковые группы в местах приземлений могут появиться в любую минуту.

Вокруг в мутной жиже плавали частицы поднятого со дна ила, но сквозь пелену явственно просматривался свет, значит, водоем неглубокий. Оттолкнувшись от дна, Рошин всплыл.

Гермошлем пробил мягкое сопротивление какого-то упругого материала, и Вадим наконец увидел поверхность Фрисайда.

Он находился в лесу. Падение капсулы повалило несколько деревьев, образовав брешь в кронах, сквозь которую на поверхность бурлящего болота, покрытого обманчивым ковром плавающего мха, падали косые солнечные лучи.

На проекционное забрало шлема уже транслировались данные химического анализа органики, воздуха, воды, но Вадим не уделял внимания этим сведениям, с информацией по окружающей среде он разберется позже, сейчас его главной задачей было как можно быстрее покинуть место падения.

Проанализировав рельеф, он мысленно наметил ближайший, вдающийся в болото длинным клином островок твердой почвы, и поплыл к нему, отметив, что рассекаемый тяжестью бронескафандра ковер податливого мха тут же смыкается за его спиной, идеально маскируя следы продвижения человека.

Только в месте падения капсулы продолжала извергаться пузырями пара мутная болотная жижа – спасательный аппарат быстро отыщут и поднимут со дна лишь затем, чтобы убедиться: на борту утлой скорлупки никого не было. О данных, подтверждающих «холостой автоматический старт», позаботились заранее.

Занятый этими мыслями, Вадим добрался до островка сухой поверхности, но так и не ступил на него, опасаясь оставить глубокие четкие следы. Двигаясь по краю болота, он лишь подминал мох, который тут же восстанавливал первоначальную форму.

По данным навигационной подсистемы, точка сбора лежала южнее, в десяти километрах от места падения капсулы.

Вокруг шумел кронами смешанный лес. Хвойные исполины, представленные особенной разновидностью генетически модифицированных сосен и елей, несомненно, попали на Фрисайд в период Галактической войны, когда лесопосадки с повышенным содержанием металлов широко использовались силами Альянса для маскировки своих укрепленных наземных точек, а вот смешанный подлесок из болотных кустарников и кривых невысоких деревьев явно относился к исконной экосистеме планеты, – Вадим сделал такой вывод, не обнаружив в базах данных ничего, даже отдаленно напоминающего окружающую его низкорослую растительность.

В точку сбора он вышел последним.

Четверо диверсантов уже поджидали его, замаскировавшись среди руин невероятно древних построек.

Рощин смог обнаружить позицию командира группы лишь случайно – маскировка и выдержка у бойцов оказались на высоте. Вадим не сомневался, что из-за отключенных имплантов он прошел мимо боевого охранения, может, в двух шагах от засады...

– Почему так долго? – вместо приветствия недовольно осведомился лейтенант Бугаев.

– Капсула упала в болото, – коротко ответил Рощин.

– Не наследил?

– Нет.

– Будем надеяться. – Лейтенант сделал знак рукой, и с трех сторон неслышно, словно материализовавшись из воздуха, возникли три камуфлированные фигуры в тяжелой фототропной броне.

При прямой видимости они могли общаться, используя лазерную связь.

– Что за руины? – осведомился Вадим. Для его работы было важно знать, какие объекты могут оказаться помехой либо подспорьем в неизбежном мнемоническом поединке. Экранирующие лесопосадки он уже видел, теперь его заинтересовали руины, настолько древние, что бетон пожелтел и растрескался, сохраняя форму лишь благодаря арматуре.

– По пути обнаружен древний сегмент космического корабля. Судя по внешнему виду, он принадлежит колониальному транспорту времен Великого Исхода.

– Значит, тут существовала колония?

– Именно, что существовала. – Бугаев был краток. – Думаю, колонистов депортировали при строительстве военных баз. То, что ты видишь, – обнажившийся из-под земли нулевой ярус бункерной зоны. И создан он явно не колонистами. Вообще, трудно судить, выжил ли кто при посадке колониального транспорта. Они обычно не сегментировались, как современные корабли...

– Маскирующие лесопосадки заметили?

– Да.

– Мне нужно уточнить боевую задачу. – Вадим присел на выступ бетона, покрытый вездесущим мхом. – Целью является конкретный объект?

– Нет. Мы атакуем любой обнаруженный узел планетарной обороны. Никаких разведданных по этому району нет, так что объект для атаки должен отыскать ты.

– Если их будет несколько?

– Тогда я приму решение, – скупно заверил его лейтенант.

– Слушай, а что ты делал, пока плелся сюда? – вступил в диалог Эйджел Риган. – Мне казалось, что мнемоники должны за версту чувствовать друг друга, верно?

– Отвали, – бросил Вадим, не собираясь отвечать на риторические вопросы.

– А что ты такой нервный? Мне, между прочим, твою задницу придется прикрывать...

– Ладно, Эйдж, заткнись, – осадил его лейтенант. Повернувшись к Рощину, он добавил: – А ты не думай, что можешь посылать нормальных парней, понял? У нас такие долго не живут. Даже если это «ценные специалисты», – мрачно предупредил он. – Так что давай, приступай, мне нужны координаты цели.

– Здесь?

– Здесь. У нас нет времени, чтобы уходить от зоны высадки. Ты что, первый раз в десанте? – Он посмотрел на Рощина сквозь полупрозрачное забрало боевого шлема и усмехнулся: – Через пятнадцать часов тут такое заварится... Лучше, на хрен, даже не представлять.

Вадим уже фактически не слушал лейтенанта.

Он не изменил позы, не сделал ни одного явного жеста, все процессы, связанные с активацией имплантов, протекали в его рассудке и не имели явного отражения в реальности.

– Уснул, блин... – раздался в коммуникаторе голос Ригана.

– Ангел,¹⁷ тебе сказано – отвали, – огрызнулся Вадим.

Мнемонический контакт.

Вадиму пришлось бы долго объяснять Ригану действительную разницу между обычным и боевым мнемоником.

Он и сам с трудом формулировал ее для себя.

Сложно подбирать слова под те процессы, что являются не просто новыми технологиями, а явно выходят за рамки общепринятых человеческих возможностей.

ОН ЗАКРЫЛ ГЛАЗА.

Пред мысленным взором пронеслись сливающиеся в сплошные линии строки машинных кодов активации, и внезапно мир распахнулся совершенно иной гаммой красок и связанных с ними ассоциаций.

Вспышка.

Иные чувства, иное видение пространства: оно простиралось перед мысленным взором Рощина пульсирующими линиями, это была энергия жизни, бурлящая биосфера, полная величественного трагизма борьбы за существование, что-то обрывалось навек и зарождалось вновь, агония одного существа переходила в яркий всплеск рождения другого, сытость и голод, падение сорванного ветром листа и томительное ожидание набухающей почки, готовой выпустить к свету новый листок...

Вихрь, неистовый, нескончаемый, заполняющий все пространство от подземных глубин до бездонной лазури небес...

Жизнь, чуждая и знакомая, понятная и непостижимая...

Нет. Нет времени...

Смена режима пассивного приема...

Мир поблек и вдруг вспыхнул снова, но теперь феерия красок стала беднее, из палитры цветов исчезли полутона, отфильтрованные разумом показания энергосканирования¹⁸ предлагали иную картину распределения природных сил.

В синтезе бесстрастных датчиков с живым разумом способность ассоциативно мыслить в сочетании с невероятной скоростью и точностью проводимых аналогий превращала все доступное пространство до горизонта, и даже дальше, в контрастную палитру распределения энергий, где Вадим мог с уверенностью отличить нагретый солнцем гранит от теплого стеклотрона, он осязал потоки направленных либо, наоборот, расфокусированных излучений, – датчики имплантов улавливали энергетическую активность и передавали сигнал на зрительный нерв.

Глаза Вадима по-прежнему оставались закрытыми, он погружался в иной мир восприятия, его разум распознавал структуру силовых линий, различая их по цвету, интенсивности, очаговой либо глобальной конфигурации.

Специалисты, сформировавшие касту мнемоников, соединяли разум подопечных с избыточным количеством датчиков, они использовали потенциал человеческого разума, стараясь не ломать при этом природный механизм распознавания образов. Все гениальное просто: информация, поступающая непосредственно на зрительный нерв, машинально обрабатывалась разумом, и мнемоник *видел* энергии, постепенно, в процессе обучения, начиная различать их.

Сейчас внутреннему взору Вадима, сознательно отсеявшего проявления живой природы, предстал новый слой реальности: он визуализировал геомагнитное поле планеты, наблюдая его искажения, мог с уверенностью судить о наличии залежей полезных ископаемых, об очаговых зонах залегания радиоактивных элементов, видел температурную карту местности, разли-

¹⁷ Эйнджел – Ангел (интеранглийский).

¹⁸ Энергосканирование – определение энергообеспеченности объекта или механизма путем распознавания работы энергетических цепей и степени их активности. В большинстве случаев позволяет определить классификацию объекта сканирования.

чая по оттенкам и интенсивности всевозможные породы, нагретые солнцем и, в свою очередь, излучающие тепло.

Прошло несколько секунд, и картина, формирующаяся в сознании Рощина, вновь изменилась.

Мысленное усилие задействовало новую группу датчиков, тонко настроенных на прием определенных, заранее известных проявлений энергетики, – мнемоник преодолел очередной слой виртуальности и теперь погружался в пучину образов, напрямую связанных с деятельностью человека, а если еще точнее, то истинными источниками энергетической активности, которую явно фиксировали импланты, являлись не сами люди, но созданные ими машины.

Яркие нити энергоцентралей. Опалесцирующие пятна автономных реакторов. Потоки сканирующего излучения, информационные каналы виртуальной сети, тепловые контуры потребляющих энергию механизмов, узлы кибернетических систем – все это воспринимал разум мнемоника.

Несмотря на успехи в области нанотехнологий, постоянно совершенствующиеся кибернетические комплексы не могли сравниться с мнемоником. Разум Вадима заменял сейчас тонны оборудования, которые пришлось бы доставить на поверхность Фрисайда, наплатить энергией, распределить по огромным площадям, чтобы получить хотя бы подобие результата, отпечатавшегося в сознании Рощина в виде сложной, но понятной ему картины.

Он спокойно и методично работал, его память не сохранила страданий тех лет, когда в нем насильственно пробуждали уникальные способности, он не помнил шоков после имплантаций, как не знал истинной статистики смертности среди учащихся закрытых корпоративных школ.

Нет. Он был предан корпорации и работал не из страха, не за деньги, а, как ему думалось, – по призванию. Существовало четко определенное мировоззрение, система незыблемых, как казалось, ценностей, позволявших сохранять душевное равновесие, жить в мире с самим собой, верить, что поступаешь правильно...

Рощин медленно повернул голову (хотя мог бы и не делать этого), затем, когда сознание запечатлело сложную палитру распределения энергий, открыл глаза и тут же произнес требовательным, не терпящим возражений тоном:

– Карту местности, быстро!..

Лейтенант уже расправлял перед ним тонкий, но прочный лист пластбумаги.

Запрет на использование внешних электронных устройств продолжал действовать, и Вадим начал методично наносить на карту обнаруженные и частично распознанные им объекты.

– Проклятие... – выругался Херберт Мак-Миллан, заглянув через плечо командира. – Они что, успели создать планетарную оборону?!

Звук человеческого голоса вторгся в сознание Вадима, возвращая ощущения реальности.

– Нет, – вместо лейтенанта ответил Рощин, продолжая наносить на карту все новые и новые условные обозначения опорных точек противника. – Они реактивировали системы Земного Альянса, оставшиеся тут еще с войны.

– Значит, эти уроды не зачистили планету, а переподчинили себе боевую технику? И что теперь? Серв-машины? Модули «Одиночка»?¹⁹ Или что похуже?

– Техника давно пришла в негодность, – категорично ответил Вадим. – Сохранились лишь звенья глобальной кибернетической сети, в основном глубоко эшелонированные в глубь планетарной коры.

– Нереально, – скептически произнес Риган, с возрастающим недоверием глядя, как из-под руки Вадима начинают проступать контуры сложного, многократно дублированного

¹⁹ Модули «Одиночка» – AI боевых машин, реализованный на базе искусственных нейроподобных сетей.

кибернетического комплекса планетарной обороны, к которому были подключены вполне современные системы тяжелых вооружений.

– На взлом подобной системы нужны годы, а у них была пара месяцев от силы, – высказал свое мнение Зейдан Зарипов, штатный компьютерный техник диверсионной группы.

– Здесь работали кибрайкеры, – коротко ответил ему Вадим.

– Зейдан, не мешай.

Компьютерный техник хотел что-то возразить, но, пожав плечами (что прошло незамеченным из-за неадекватного устройства сервомоторов боевого скафандра), отошел в сторону, со злостью подумав, что он в данной ситуации явно начинает играть второстепенную роль.

Лейтенант терпеливо дождался, пока Рошин закончит, и лишь затем задал вопрос:

– Если систему взломали кибрайкеры, они и контролируют ее?

– Да, – подумав, согласился Вадим. – Времени на автоматизацию и смену программного обеспечения у них действительно не было. С системой должны работать те, кто ее взламывал.

– Ты сможешь вывести нас к центру управления?

– Это тут. – Рошин указал на неброский символ, окруженный куда более понятными и зловещими условными знаками. – Вчетвером не пробиться.

– Впятером, – поправил его Бугаев. – Исходя из полученных данных, наша задача стала, с одной стороны, проще, а с другой – намного сложнее. Мы должны нейтрализовать кибрайкеров. Иного выхода нет... Еще один вопрос, Рошин, – посмотрев на карту, добавил он. – Вот это, – лейтенант указал на одну из крупных пометок, состоящую из нескольких плотно сгруппированных символов. – Ты не ошибся?

– Нет. Это фрегат.

– Фрегаты не садятся на поверхность планет.

– Я знаю. Вот рядом обозначение четырех кораблей поддержки. Так называемые технические носители по классификации флота Земного Альянса. Они специально сконструированы для принудительной посадки на подготовленные планетарные космодромы крупных космических кораблей, вплоть до крейсеров. Обычная практика той эпохи, когда ремонт и техническое обслуживание проще было произвести на поверхности планеты, чем в открытом космосе.

Похоже, что Бугаева не интересовали исторические экскурсы.

– Фрегат... – рассуждая вслух, произнес он. – Значит, нашему флоту готовят ловушку? Могут быть и другие корабли?

– Не в этом регионе. Хотя теоретически – да.

– Ну, я думаю, офицеры центра управления будут осведомлены об этом, верно? – недобро усмехнулся лейтенант.

– Естественно, – кивнул Рошин.

Бугаев еще раз посмотрел на карту, что-то прикидывая в уме, и произнес:

– Нам предстоит нелегкий марш-бросок.

...Для Рошина эта высадка стала первым опытом боевой практики.

Некоторые способности, развитые в период обучения, до последнего времени хранились в сознании Вадима в виде не востребованного потенциала.

Шагая вслед за командиром диверсионной группы, он старался не сосредотачиваться на грядущем испытании. Рано или поздно его встреча с настоящим мнемоническим противником должна была произойти.

В сознании прочно обосновался образ, не предполагавший мирного исхода подобной встречи. Сам термин «кибрайкер» воспринимался рассудком как нечто зловещее, изначально противопоставленное сущности мнемоника.

В ту пору он оставался слеп, несмотря на уникальные возможности рассудка. Проблема заключалась в мироощущении.

Два десятилетия назад кибрайкеры являлись сущим бичом Окраины. Собственно, они стали первыми людьми, применившими избыточную имплантацию для расширения потенциала своего разума, избавления от необходимости использовать внешние устройства для доступа в сеть, и именно кибрайкеры наглядно показали всему миру, на что способен синтез человеческого рассудка и узкопрофильных кибернетических модулей, находящихся в постоянном физическом контакте с тканями коры головного мозга.

Они взламывали сети любой степени защищенности, невзирая на их сложность, словно насмехаясь над потугами опытейших программистов, пытавшихся защитить коммерческие информационные потоки от посягательств нового поколения хакеров.

Первые мнемоники появились на Окраине как явные антиподы кибрайкеров. Обладая схожими возможностями, они *воспитывались* совершенно иначе, их психология была жестко ориентирована на защиту, им прививали патологическое неприятие тех, кто разрушал сетевые структуры, добывая самое ценное в современном мире – информацию.

Спустя десять лет, когда ситуацию удалось стабилизировать, единство мнемоников было искусственно раздроблено: их начали специализировать по профилям, используя не только для защиты информационных сетей. Благодаря технологиям «избыточного имплантирования» корпорации получали уникальных специалистов, способных контролировать сложные кибернетические комплексы, применение которых до определенной поры постоянно балансировало на грани фола, – оснащенные системами псевдоинтеллекта, многие машины несли потенциальную опасность неконтролируемого саморазвития. Существовали сотни печальных прецедентов, когда сложные системы терраформинга выходили из-под контроля базовых программ, причиняя в конечном итоге больше вреда, чем пользы, но появление мнемоников устранило препятствие на пути использования устройств подобного типа.

* * *

Спустя час они вышли на поляну, расположенную в пяти километрах от кромки маскирующих лесопосадок.

– Ну, где твой вход? – Воспользовавшись кронами пограничных деревьев как надежным прикрытием от датчиков обнаружения, лейтенант Бугаев нарушил тишину в эфире, включив оперативную лазерную систему связи.

Вадим остановился. Несмотря на исправную работу сервомускулов боевого скафандра, ему, не привыкшему к подобной экипировке, приходилось несладко. Собственные мышцы ныли после короткого перехода, хотелось сесть, но сделать это, не снимая брони, являлось весьма спорным и затруднительным занятием.

Присесть – да, а вот по-человечески сесть, протянув уставшие, гудящие от напряжения ноги, – ни фрайга не получится.

– Здесь, командир, – ответил он, с трудом восстанавливая дыхание. Вообще остановка действовала на Рощина крайне негативно. Пока они шли, Вадиму удавалось втянуться в ритм и не обращать внимания на мелкие неудобства, но сейчас неприятные ощущения навалились разом, напоминая мнемонику, что, кроме всего прочего, есть у него брненное тело, которое вовсе не в восторге от неожиданной практики марш-бросков в полной боевой гермоэкипировке.

– Эйджел, Зейдан – осмотреть поляну. Мак-Миллан – в прикрытии! – Бугаев обернулся к Рощину и внезапно потребовал:

– Включи канал телеметрии данных.

Вадим выполнил приказ.

– Да уж... – хохотнул Бугаев. – Ты хоть чувствуешь, что натер себе задницу?

Рощин чувствовал. У него вообще создавалось впечатление, что подложка скафандра, та, что поначалу плотно и эластично облегла тело, теперь сбилась комьями, доставляя массу неприятных ощущений.

– Здесь атмосфера, пригодная для дыхания, – сдерживая эмоции, произнес Вадим. – Может, я сниму бронированную шкуру?

– Рехнулся? Мы что, в игрушки играем или находимся в глубоком тылу противника? Да тебя первая охранная турель порвет в клочья!

– Не думаю, – недобро ответил Рощин.

– Дай взгляну. – Лейтенант на некоторое время умолк, видно, просматривал данные систем жизнеобеспечения. – Какой идиот готовил тебя к высадке, Рощин? – наконец выругался он. – Ты же *боевой* мнемоник. Неужели ни разу не надевал бронескафандр?

– Термин «боевой мнемоник» не предполагает беготню в бронескафандрах.

– Ах, ну извини. Белая кость, мать твою!

– Лейтенант, мне лучше действительно снять все это.

– Да снимай. Мне за твою шкуру не отчитываться. – Вадим так и не понял, именуется Бугаев «шкурой» бронескафандр или имеет в виду его лично? – Давай без обид. Ты понимаешь, что будет бой?

– Мне все равно, есть на мне броня или нет. Мой бой будет происходить не тут, лейтенант.

– А где, позволь тебя спросить?

– В киберпространстве.

– Ладно. Замри на минуту.

– В чем дело?

– Тебя вообще учили дисциплине? Стой и не рыпайся, понял?! – потеряв терпение, повысил голос лейтенант.

Вадим молча замер, как требовалось.

Очевидно, командир диверсионной группы сейчас манипулировал системой жизнеобеспечения его скафандра, потому что Вадим ощутил явное движение, будто по травмированным участкам кожи пробегали маленькие насекомые.

Жжение становилось невыносимым, и им внезапно овладела злая, иррациональная тоска. Он и без того недолюбливал военных, а тут...

Если бы не запрет на включение имплантов, показал бы Бугаеву, что подразумевает термин «боевой мнемоник».

Злость не отступила, даже когда жжение пошло на убыль, а в коммуникаторе вновь раздался голос лейтенанта:

– Можешь снимать броню. Я сделал все необходимые инъекции. Кожа регенерирует минут за тридцать. В следующий раз примеряй экипировку. Тебе выдали броню на два размера больше, чем положено по твоей комплекции, Рощин. Вот ты и болтался в ней, как не скажу что... Херберт, помоги ему.

Пока Вадим с помощью Мак-Миллана снимал трехсоткилограммовую броню, вернулись Риган с Зариповым.

– Ну что, ангел ты наш недоделанный? Нашли вход?

Похоже, Эйджел не обратил внимания на оскорбительный выпад со стороны лейтенанта. Его родители, давая имя новорожденному сыну, явно упустили одну букву, что являлось темой дежурных и уже достаточно «бородатых» шуток.

– Нашли. Только непонятно, командир, как он смог его обнаружить?

– Маскировка? – Лейтенант покосился на Рощина, который, сняв скафандр, теперь казался пигмеем на фоне бронированных фигур диверсантов.

– Нет. Древняя постройка. Даже не времен Альянса, клянусь. Должно быть, здесь побывали наши предки из числа колонистов Великого Исхода.

– Так что там?

– Часовня. Маленькая, обрушенная к тому же. Под ней сканеры фиксируют вход в какие-то коммуникации. Похоже на тоннели, но проходимы ли они, фрайг его знает!

– Рошин, что скажешь?

– Мы идем правильно. Если вход завален, нужно его раскопать. Отсюда строго на север должна уходить сеть подземных ходов. Я не могу сказать, кто их создал, но они вполне отвечают нашим целям.

– То есть?

– То есть подходят вплотную к более поздним сооружениям бункерной зоны военной базы Альянса. Теперь мне понятно, почему они «чистые».

– Ты можешь выразаться яснее?

– В начале сетки тоннелей нет кибернетики. Защитные устройства начинаются непосредственно на территории подземных уровней бункера, – пояснил Вадим. – Мы беспрепятственно пройдем через древние ходы и окажемся в более поздних коммуникациях. Дальше будем прорываться с боем. Я возьму на себя нейтрализацию кибернетических систем, ну а вы – все остальное.

– Остальное – это живая сила противника?

– Угадали, лейтенант.

– А пожечь им мозги? Заодно с электроникой? – не то всерьез, не то с иронией осведомился Бугаев.

– Я не убийца, – отрезал Вадим.

– Просто боевой мнемоник, да? – Теперь в голосе командира звучал явный сарказм.

– Я делаю свое дело, вы – свое. – Рошин старался не перешагивать рамки субординации, но ему все сильнее хотелось втолковать Бугаеву, что тот не прав.

– Ладно. Пошли посмотрим, что там за «часовня». Откуда ты слов таких нахватался, Ангел?

– Зейдан подсказал.

– Серьезно, что ли?

Зарипов только усмехнулся в ответ.

Они направились к центру поляны.

Рошин, замыкавший колонну, включил импланты на пассивный прием. Все-таки прогалина в маскирующих лесопосадках оказалась достаточно широкой, чтобы сканеры какого-нибудь спутника засекли передвижение четырех бронированных фигур.

Бугаев, наверное, тоже подумал об этом. Сбавив шаг, он с тонким, ноющим звуком сервоусилителей приподнял голову, явно посмотрев в небеса.

Вадим был чужд мелочной мести. Другой дал бы Бугаеву подергаться, почувствовать свою уязвимость, но Рошин лишь скупой обронил в коммуникатор:

– Пока все чисто. Если появится спутник, я вас прикрою.

– Добро. – Голос Бугаева изменил тональность. До него, похоже, начало доходить, зачем к их группе вдруг прикомандировали мнемоника.

Здание, возвышавшееся много веков назад посреди поляны, действительно относилось к культовым постройкам христианской религии, но сейчас об этом напоминал лишь помятый купол, когда-то венчавший небольшую часовню. Неизвестно, по какой причине он сорвался с «барабана» и откатился в сторону, зарывшись в почву. Вообще время основательно потрудились над руинами, оставив на поверхности лишь сглаженные процессами медленного разрушения макушки оплывших стен да внушительных размеров провал в центре предполагаемого помещения.

Странное место.

– Это промоина. Под ней бетонная плита. На дне.

– Роцин, можешь что-нибудь добавить?

Вадим пожал плечами, благо теперь любой мог увидеть его жест.

– Сканеры включать опасно. Проще спуститься и посмотреть. Я ведь нанес это место на карту. Тоннели начинаются отсюда.

– Верно, – согласился Бугаев. – Херберт, спускайся.

Мак-Миллан осторожно приблизился к краю оплывшей промоины.

Почва, естественно, не выдержала веса бронированной фигуры и начала оседать, обнажая пожелтевший от долгого нахождения под землей потрескавшийся стеклобетон, который нес неприятный запах сырости.

– Все, я внизу, – пришел по связи доклад Херберта. – Темно. Плита держит мой вес. Без сканеров ни фрайга не вижу.

– Хорошо, сейчас мы спустимся к тебе. Вадим, ты сможешь нас прикрыть?

– Спускайтесь. Я останусь наверху. Буду контролировать обстановку. Но если дам знать, сканеры выключайте немедленно.

– Не вопрос. – Лейтенант присел, позволив массе земли вместе с ним обрушиться в провал. Вадим посмотрел на черные края резко обозначившегося отверстия и достал миниатюрный фантом-генератор размером с ноготь. Теперь, когда ему не мешали триста килограммов брони, он чувствовал себя намного спокойнее и увереннее.

Задействовав прибор, он в течение секунды отстроил его параметры и закрыл глаза, контролируя пространство прогалины и небеса над ней.

Все чисто. Генератор перекрыл площадь расширившегося провала, и обнаружить изменения теперь не мог ни один орбитальный сканер. Даже находясь в нескольких шагах, трудно было заметить микроизменения ландшафта.

Пока что они продвигались без проблем. Высадка прошла удачно, предварительный сбор данных также не вызвал тревоги со стороны следящих систем противника. В представлении Вадима дальнейшие этапы операции должны были пройти так же гладко. В нормальном, штатном для мнемоника режиме. Может быть, лейтенант и готовился к какой-то там схватке, но Роцин ее не предвидел. Все самое сложное ляжет на его плечи, а если быть точнее – коснется лишь его рассудка. Исходя из сроков подготовки, которые были отпущены потенциальному противнику, нетрудно предугадать, что в бункерной зоне едва ли функционируют полноценные системы охраны. Все усилия кибрайкеров направлены сейчас на повышенный контроль локационных систем, защищающих подступы к планете, да и неожиданный подарок в виде терпящего бедствие грузопассажирского лайнера, отстрелившего полторы сотни спасательных капсул, добавил им хлопот.

Пассивный прием лишь подтверждал эмпирические выкладки рассудка.

В радиусе ста километров не ощущалось энергоактивности. Вадиму данный факт говорил о многом. Например, о том, что большинство систем обесточены. На это могло быть две причины – либо они не пережили взлома, либо их держат отключенными специально, чтобы не выдать истинную конфигурацию комплексов планетарной защиты. В любом случае это играло на руку диверсантам. По древней системе тоннелей они подойдут к стенам бункера и предпримут внезапную атаку на управляющий центр, местоположение которого Вадим сумел отследить по немногим функционирующим каналам обмена данными.

Обороной управляет не компьютерная система, а люди. Группа кибрайкеров, нанятая корпорацией «Эхо» для взлома военных коммуникаций и защиты планеты при внезапном вторжении. Руководители «Инфосистемз» поступили абсолютно правильно, форсируя события. Тем самым они отсекали саму возможность модернизации древней сети.

Мысли Вадима нарушил голос лейтенанта:

– Роцин, спускайся. Мы пробили плиту. Пора двигаться дальше.

Он, не отключая имплантов, соскользнул по осыпающемуся отвалу рыхлой, пронизанной корнями растений почвы и оказался среди плотного сумрака, в окружении четырех бронированных фигур.

– Ну, куда теперь?

– Северный проход. Карта, лейтенант. Там отмечена вся сетка тоннелей.

– Карта картой, а сканеры фактически не работают. Ты заметил, вокруг не стеклобетон.

Вадим, не включавший активные сканирующие модули, тем не менее видел, что материал тоннелей, проложенных под землей колонистами, существенно отличается от стандартно используемых материалов.

Это был даже не железобетон, а совершенно незнакомый ему материал, дающий в свете инфракрасных прожекторов странный резонанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.